АЛЕКСАНДР
ЗОЛОТЬКО
ОХОТНИК
ПОЧЕРК
ДРАКОНА
POLIO

Александр К. Золотько

Почерк дракона

Серия «Охотник», книга 1

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157735
Александр Золотько Охотник: Почерк Дракона: Фолио; Харьков; 2001
ISBN 966-03-1324-1

Аннотация

Герой романа, журналист Евгений Шатов, только что закончивший статью о крупных махинациях на дрожжевом заводе, вдруг получает телефонное предупреждение о готовящемся заказном убийстве, где жертва – он сам, а заказчик – директор завода. Звонивший предлагает защиту от наемных убийц, выдвигая взамен одно условие – провести журналистское расследование целой серии таинственных убийств, объединяющей характерной деталью которых стал бумажный силуэт дракона.

Текст книги представлен в авторской редакции.

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2 17
Глава 3 35
Глава 4 45
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Александр Золотько
Почерк дракона.

Глава 1.

Он твердо помнил, что его зовут Евгений. Женя. Жека. И фамилию свою он смог вспомнить практически сразу – Шатов. Это обнадеживало. Человек, способный, еще толком не проснувшись и не придя в себя после вчерашнего, вспомнить свои имя и фамилию, не совсем потерян для общества.

Шатов поздравил себя с таким замечательным выводом. Молодец. Не нужно было только вчера принимать участие в мероприятии. Тогда не пришлось бы добираться домой на автопилоте и не нужно было бы с утра прислушиваться к своему самочувствию, ожидая явления абстинет… Шатов, не открывая глаз, поморщился и облизал губы.

Совсем хреново, ваше благородие. Когда с утра заплетается язык – это плохо, но не катастрофически. Но когда начинают заплетаться мозги…

Еще раз – абстинент… Шатов сплюнул. Абстинентный синдром. То бишь – похмельный. Если верить популярной литературе, именно аб… похмелье свидетельствует о наступившем алкоголизме.

Но у него, кажется, пока все в порядке. Если не считать идиотской привычки после трудно проведенной ночи задавать себе странные вопросы и пытаться анализировать состояние организма. То, что пересохло во рту и першит в мозгах – не повод для страха и подготовки визита к врачу-наркологу.

Нужно просто дать себе страшную клятву не пить. Не пить.

Шатов попытался открыть глаза. С первого раза не получилось. Пришлось сесть на краю постели… Шатов пошарил вокруг себя руками и убедился, что вчера ночью у него хватило самообладания постелить себе постель.

Молодец. А теперь нужно просто открыть глаза. Медленно и не торопясь, миллиметр за миллиметром, так, чтобы яркое утреннее солнце не врезало по уставшим и не отдохнувшим глазам. Да кто здесь, в конце концов, хозяин, возмутился Шатов и решительно протер глаза. Подъем!

Получилось не очень убедительно, и Шатов повторил команду вслух и как можно решительнее: «Подъем!». Вышло значительно лучше. С первой попытки удалось нашарить тапочки.

Под люстрой посреди комнаты с противным жужжанием носились мухи. Шатов не мог понять, зачем эти звери каждый день кружатся именно здесь. Еще можно было понять, если бы они устраивали себе танцы на кухне, там хоть едой пахнет. Иногда.

Шатов взмахнул простыней, мухи лениво разлетелись в стороны и на секунду затаились. Обе стороны выполнили обряд и успокоились. Шатов привычно пообещал себе купить липкую противомушиную ленту, быстро свернул постель и сунул ее в диван.

Умыться, принять душ, позавтракать. Кому могла помешать такая минимальная программа, грустно подумал Шатов, убедившись, что воды в кранах нет. Ни горячей, исчезнувшей еще в мае, ни холодной, подачу которой обещали организовать по графику. И не смогли. Или не захотели.

Хотя, не исключено, что именно в этом график и заключался. Час утром и два часа вечером. Хоть электричество не отключают, поздравил себя Шатов и отправился на кухню. Это было правдой. Все дома вокруг отключали на четыре часа в день, а четыре дома, включая девятиэтажку Шатова, бог миловал. По какой-то очень сложной технической причине.

Завтрак. Шатов вытащил из холодильника свои запасы еды. Нормально-нормально, все в порядке. На завтрак будет яичница с колбасой, под помидоры и чай. Можно было соорудить яичницу с помидорами, но – лень. Суровая простота еды украшает мужчину.

Хлеба, кстати, он вчера не купил. Не до того было. А, собственно, до чего вчера было? С чего это в редакции была устроена очередная попойка? Шатов разбил и вылил три яйца на шипящую в сковороде колбасу и посолил.

А вчера в редакции шеф и главный редактор устроили прощальный ужин по случаю выхода их в отпуск и убытия на курорт. На целых две недели в Испанию.

Счастливого пути, скатертью дорога. Шатов прикрыл сковороду крышкой и выключил печку. И выставило начальство своим подчиненным очень неплохо. Будто поставило себе задачу напоить личный состав редакции на все две недели своего отсутствия.

Шатов замер над сковородой. Вот. Вот что он с самого пробуждения пытался вспомнить. Вот то хорошее, что с ним вчера произошло. Он в отпуске. Ему, как и всем остальным, вчера вручили деньги. Редакция в отпуске.

В отпуске. И теперь он, как порядочный человек, должен решить, как потратить две недели внезапно свалившегося безделья. Давненько он не был в отпуске. Уже лет пять. Все беготня, счастье общения, черт бы его побрал, какая-то закулисная и подковерная возня на тему борьбы за место под солнцем.

И вот теперь он может потратить две недели своей жизни так, как захочет.

Шатов улыбнулся. Первым желанием было вернуться к дивану, снова достать постель и продолжить сон. Столько, сколько выдержит. Но, как учил герой одного штатовского фильма, никогда не соглашайтесь на первое предложение. Даже если это ваше собственное предложение, дополнил заокеанскую мудрость Шатов. Свое собственное – в первую очередь. Ибо ленив Евгений Шатов. Настолько, что даже сам себе неприятен. Настолько, что время от времени устраивает себе экзекуции. Два раза в неделю поход в бассейн, с полуторачасовым залом тренажеров перед заплывом.

Кстати, неплохая идея – махнуть на какой-нибудь водоем за город. Или даже на море. Хотя, на море сейчас больше людей, чем медуз.

Так что, лучше ехать в совершенно дикое лесное место, подальше от ужасов цивилизации, и назойливости знакомых. Дикий отдых на дикой природе. И отпустить бороду. Обязательно отпустить бороду. Он неплохо будет смотреться в бороде.

И ввалиться в редакцию через две недели, пропахшим дымом, с двухнедельной щетиной и с выгоревшими волосами. Еще можно босым. Это будет выглядеть совсем шикарно – босой, нечесаный, небритый. В этом что-то есть. Почти гениальное. Ну или безумное.

Имеет Шатов право на безумие? Имеет. Некоторые вообще подозревают, что он находится в этом состоянии постоянно. Например, ни один нормальный человек не полез бы в этот дурацкий дрожжевой завод выяснять, сколько именно денег может нелегально заработать директор. И уж подавно не стал бы нормальный человек продолжать копаться в этом, искать документы и пробивать через шефа публикацию статьи на эту тему после того, как вырисовалась ежегодная сумма левых денег в триста тысяч американских долларов.

Нет, на минуту Шатову тогда стало даже страшно, но потом он плюнул на все и решил публиковать. Шеф и главный редактор оценили порыв и качество собранных документов настолько, что решили рискнуть. И вот вчера…

Нет, вчера газета была только сверстана и отправлена в типографию. Сегодня статья опубликована, можно собой гордиться и, если честно, перестать время от времени оглядываться на улице. Все, теперь, после публикации, можно особо не дергаться. Каждое слово задокументировано, теперь пусть директор завода нервничает и готовится отвечать на вопросы прокуратуры.

Это событие стоит обмыть, подумал Шатов и тут же оборвал такие крамольные мысли. Вчера он уже это обмывал. Хватит. Он вообще давал себе клятву, что перестанет пить. Хотя бы на две недели отпуска. Пусть и печень отдохнет.

Сейчас он спокойно помоет посуду, отправится в комнату и в кресле вальяжно предастся размышлениям о том, как провести отпуск.

Зазвонил телефон.

У меня отпуск, подумал Шатов. Телефон продолжал звонить.

– У меня отпуск, – крикнул Шатов телефону, но тот продолжал звонить, несмотря ни на что.

– Ну, хорошо, я сейчас подойду, – сдался Шатов и пошел к телефону.

Кто бы это мог звонить? Главный и шеф – в отпуске, и, кажется, уже даже на пути к Средиземному морю. Кто-нибудь из девушек? Неплохо, но вряд ли. Девушки обычно звонят чуть попозже.

А если это директор завода уже успел прочитать статью и теперь звонит, чтобы выразить свой восторг? Хоть сто порций. Что бы он там ни хотел, теперь он может Шатова только догнать, заломать и облобызать. В самые интимные места.

– Шатов слушает, – сообщил Шатов в телефонную трубку, предвкушая, как славно врежет сейчас директору славного дрожжевого завода господину Петру Ивановичу Васильеву.

– Евгений Сергеевич? – поинтересовался совершенно незнакомый голос из телефонной трубки.

– Угадали.

– Доброе утро, – незнакомый голос оказался еще и голосом вежливым.

– Доброе утро, – поддержал разговор Шатов, – с кем имею честь общаться?

– Вы меня все равно не знаете.

– Вот как? И что дальше? – Шатов почувствовал, что разговор будет долгим, и сел в кресло.

– Я часто читаю ваши материалы в газете, – сообщил незнакомец, – и они мне нравятся.

– Спасибо, – если разговор начинается с комплимента, жди неприятностей. – Как вас, кстати, зовут?

– Это не важно.

– Вам – может быть. А я как должен к вам обращаться? Демократичным «Эй, ты!» прикажете вас окликать?

– Как вам будет угодно. Только прошу принять во внимание, что у нас с вами очень мало времени, а вам еще нужно ответить на несколько моих вопросов.

Шатов даже заулыбался от удовольствия. Такое хамство встречается не часто. Такое хамство нужно смаковать и наслаждаться каждой секундой общения. Это ж сколько самомнения нужно иметь, чтобы так вести разговор с незнакомым человеком.

– Эй, вы, я вас слушаю.

– Очень хорошо, – сообщил хам, – скажите пожалуйста, ведь это вы автор статьи «Зелень, выросшая на дрожжах»?

Все-таки по поводу завода, вздохнул Шатов. Неужто уже адвокат? Хотя адвокаты обычно начинают с того, что представляются.

– Если там под статьей стоит моя подпись – значит, автор я.

– Так я и думал.

– С чем вас и поздравляю.

Есть два типа хамов. Один тип хамит, но требует, чтобы к нему обращались вежливо. Другой тип – позволяет хамить себе в ответ. Нынешний собеседник явно относился ко второму типу.

– Скажите, Евгений Сергеевич, вам не страшно связываться с такими большими деньгами? Ведь этот самый, как его, Васильев, совершенно спокойно может на вас обидеться и…

– Вас, случайно, не он послал, чтобы меня пугнуть? – поинтересовался Шатов.

– Ну что вы, Евгений Сергеевич, ни в коем случае. Мой интерес, так сказать, личный и продиктован, в некотором роде, любопытством. Как вопрос к пожарному о том, не боится ли он лезть в огонь. Не боитесь?

– В огонь?

– В большие деньги.

– Честно – боюсь. Но фокус в том, что по правилам игры нужно бояться только на стадии сбора материала и подготовки публикации. После выхода статьи в свет журналист уже как бы ни при чем, – Шатов сделал паузу и на всякий случай добавил, – а документы у меня все в порядке. В клевете меня не обвинишь.

– И не собираюсь даже. Я ведь уже сказал, что меня все эти истории касаются мало, ни в газете, ни на дрожжевом заводе я не работаю, как, кстати, не служу и в правоохранительных органах.

– Ну да, ну да, вы из чистого любопытства. Кстати, а где вы достали мой номер телефона? Я им не подписываю своих статей.

В телефонной трубке раздался легкий смешок:

– Скажем, у меня есть свои источники, и я достаточно информированный человек.

– С чем вас опять, таки, поздравляю. И вы решили позвонить ко мне, чтобы выяснить у меня какую-нибудь информацию?

– Нет, я позвонил вам, чтобы поделиться информацией с вами.

– О чем?

– В какой-то мере – о дрожжевом заводе.

– Не уверен, что вы сможете мне сообщить что-то особо новое.

– И тем не менее.

– Неужели Васильев явился с повинной, прочитав статью?

– Нет. Точно – нет. Хотя статью он прочитал с большим, насколько я знаю, интересом.

– И что же такового важного и нового произошло на заводе? – Шатов почувствовал легкий дискомфорт, предчувствие чего-то малоприятного легонько просочилось в его мозг.

– Нет, – спокойно сказал неизвестный, – я не собирался вам сообщать, что произошло на заводе. Я собирался вам сообщить, что не произошло у вас в газете.

– Не произошло… Где?

– У вас в газете. В ваших «Новостях», – голос в трубке был очень терпеливым и вежливым, даже мягким, как голос психиатра, беседующего с пациентом.

– И что же не произошло в наших «Новостях»?

– В ваших новостях не произошел выход в свет статьи «Зелень, выросшая на дрожжах».

– Как это? – Шатов даже помотал головой. Он вчера видел макет первой полосы, на которой большими буквами… – Я сам видел…

– Газету?

– Макет. И полосу верстали при мне.

– А газету вы видели?

Газету он не видел. И, кстати, не видел и пленок, выведенных для типографии. Когда версталась газета, и когда выводились пленки, он, как и все остальные, сидел за столом и поднимал тост за тостом.

Телефонная трубка помолчала несколько секунд, давая возможность Шатову обдумать все сказанное, потом спокойный голос констатировал:

– Газету вы не видели.

– Не видел, – подтвердил Шатов, осекся и торопливо добавил, – но откуда тогда вы знаете, что статья должна была выйти? И… Постойте, ведь вы сказали, что Васильев прочитал ее…

– Вот именно. И документы тоже у него.

– Документы я…

– Документы вы отдали главному редактору, и они, вам так было обещано, должны храниться в сейфе у шефа.

– Откуда вы…

– А на самом деле весь пакет ваших документов находится сейчас на столе перед директором дрожжевого завода Петром Васильевым.

– Это чушь, – надеясь, что голос звучит решительно, возразил Шатов.

– А откуда я все это знаю? – поинтересовался собеседник.

– А откуда вы это знаете? – зло переспросил Шатов.

– Пусть это будет моей маленькой тайной. Теперь вы мне ответьте – что ощущает журналист, попав в такую вот неприятную ситуацию? Вы там что-то говорили о правилах игры?

– Пошел ты, – Шатов бросил телефонную трубку и вскочил.

Спокойно. Это еще не факт, что все так, как сообщил этот телефонный гад. Не факт. Это вполне может быть милая шутка Васильева. Небольшая месть. Шатов вспомнил красную рожу директора завода и покачал головой – этот так шутить не будет. Просто не сможет. Слишком тонко. И как точно.

Кто-то из редакции? Вполне. Эти уроды могут пошутить еще и не так.

Шатов с некоторым удивлением заметил, что уже почти оделся. Нужно идти. Куда? Тоже понятно – в редакцию. Если то, что сказал этот гад, правда, то…

А что, собственно, то?

Если статья действительно не вышла, то у Шатова появляется уникальная возможность начать коллекционировать неприятности. Автоматически проверив газ и краны, Шатов вышел из квартиры. В редакцию. Там посмотрим. И там будем принимать решение, как именно себя вести дальше.

Нажав кнопку вызова лифта, Шатов замер. Стоп. Придется возвращаться, хоть это и плохая примета. Или все-таки…

Нет, нужно вернуться. Шатов медленно достал из кармана ключи от квартиры, открыл замки. Черт. Он разрывался между двумя чувствами, и это было ужасно неприятно. Ничего страшного не произошло, шептало что-то в душе у Шатова, просто нужно съездить в редакцию, там во всем разобраться, а потом спокойно вернуться домой. И все будет в порядке. А в квартиру сейчас возвращаться не нужно, тем более что это действительно плохая примета.

Шатов не был особенно суеверен, но в эту примету верил. Верил, но не настолько, чтобы отмахнуться от второй мысли, которая решительно всплыла из глубины его мозга и не собиралась уступать места без боя. Нужно взять из квартиры деньги и документы. Если все плохо – они понадобятся; лучше, чтобы они были под рукой. Просто на всякий случай.

На всякий случай. Случаи бывают всякие.

Первая мысль была приятнее. Вторая очень уж напоминала панику, а выглядеть паникером даже в собственных глазах очень не хотелось.

Ну и хрен с ним. Шатов решительно рубанул воздух рукой и вошел в квартиру. В крайнем случае, потом посмеюсь над своими страхами.

Снова пришлось повторить операцию с дверными замками, потом пришлось снова ждать лифта, который кто-то не хотел долго отпускать с нижнего этажа. Шатов терпеливо ждал, в миллионный раз рассматривая надписи и рисунки на стене. Наскальная живопись. В соседней квартире живет тинэйджер, и его приятели регулярно обновляют и дополняют граффити. Еще, как утверждают бабки, гадют, где попало.

Лифт продолжал дребезжать дверями где-то на пятом этаже. Снова его заклинило, подумал Шатов и пошел по лестнице пешком. Ничего, ноги не сломаются. Просто немного не повезло. Ясное дело, начинает сказываться то, что он возвращался домой, но на это можно наплевать. Наплевать.

Автоматически поздоровавшись со старушками, сидевшими на лавочке возле крыльца, Шатов мельком глянул на ручные часы и ускорил шаг. Потом резко изменил направление движения. Придется идти к конечной остановке автобуса. Там есть газетный лоток.

Ближе пресса не продавалась, а оставаться в неведении еще сорок минут Шатов не собирался. Купить «Новости» и убедиться в том, что утренний звонок – не более чем розыгрыш. Не более чем розыгрыш.

Шатову почти удалось убедить себя в том, что на первой полосе «Новостей» будет стоять его статья, что все нормально. Возле лотка с газетами сердце оборвалось. Брифинг мэра города. На том самом месте, где еще вчера версталась статья о заводе.

И вместо фотоколлажа из долларов и пачек с дрожжами сразу под заголовком маячила до боли знакомая физиономия мэра.

Шатов выгреб из кармана мелочь, вручил ее продавцу и взял газету с лотка.

К остановке подъехал автобус, Шатов бросился к нему, вскочил, прошел в самый конец салона и сел. Прежде чем открыть газету, зачем-то огляделся по сторонам, потер подбородок.

На внутренних полосах статьи быть не могло. Просто некуда было ее ставить – это Шатов знал точно. Статью о мэре взяли из выбракованных материалов и поставили вместо шатовской статьи.

Шатов, ругая себя последними словами, внимательно просмотрел газету, страницу за страницей. Как и следовало ожидать.

Твою мать! Что могло произойти? Ведь вчера все было нормально. Статью можно было заменить только на этапе верстки. И сделать это могли только шеф, главный редактор, ответственный секретарь и верстальщик.

Шеф и редактор были в курсе давно и, если бы хотели материал снять, вообще не затевали бы его. Ответсек… Маше наплевать на содержание газеты. Ее волнует только, чтобы вместилось все, подписанное редактором в номер. И она никогда не пойдет против мнения руководства. Верстальщик…

Сволочь мелкая. К этому Сереже Шатов всегда относился с неприязнью. Тихий ублюдок с жадными глазами. Этот мог. Давно уже мелькали подозрения, что Сережа приворовывает понемногу, но за руку его так и не поймали.

Все лицо помну, пообещал мысленно Шатов. Если это он подсуетился – разобью рожу. Вполне возможно, увидел Сережа статью, связался с Васильевым и предложил торговую сделку.

Выходя из автобуса, Шатов оставил газету на сидении. Сейчас ему хотелось одного – поскорее прийти в редакцию и пообщаться тесно с верстальщиком. Где-то в глубине души шевельнулось сомнение, но Шатов не стал обращать на него внимания. Все понятно – виноват Сережа. Вот он за все и получит.

В вагоне метро народу было немного. Все сидения заняты. Стоял, держась за поручень, один Шатов. Обычно он брал с собой книгу, чтобы не пялиться на рекламные плакаты, залепившие все стены вагона. Сегодня, чтобы не перечитывать призывы покупать презервативы, носить джинсы или пользоваться итальянской сантехникой, Шатов принялся рассматривать пассажиров.

Эта девушка могла бы быть посимпатичнее, этой стоило бы поаккуратней обращаться с косметикой, этот прыщавый юнец… Шатов отвернулся к окну и некоторое время смотрел на проносящиеся стены тоннеля. Нервишки, Женя, нервишки. Из-за одного козла не стоит весь мир воспринимать как скопище уродов. Спокойнее.

Шатов глубоко вздохнул и снова обернулся к людям.

Девушки как девушки, косметика – их личное дело, парень… Ну и черт с ним, с парнем. И странная пара, сидящая возле пацана… Ему лет сорок, но выглядит моложаво. Востренькие черты лица, прилизанные черные волосы, бегающие глаза. Одет аккуратно, брючки выглажены, туфли блестят. Одежка не новая, даже очень не новая, но ухоженная. Спутница его…

Шатов скрипнул зубами. Он уже сталкивался с подобными парами. Ровесники, но она выглядит настолько же старше своих лет, насколько он выглядит моложе. Испуганное, забитое выражение лица. Это она ухаживает за мужем, это она содержит в порядке его одежду, из последних сил стараясь выполнить его требования. А на себя уже не хватает ни сил, ни желания.

Наверняка, он ее бьет каждый день. Только для того, чтобы утвердиться в собственных глазах. Малейший повод или даже иллюзия повода. Просто захотелось ударить и ударил.

На люди они тоже наверняка вместе выезжают редко. Жена знает свое место… Она знает, что должна все терпеливо сносить, пока этот крысенок, ее муж…

Шатов снова отвернулся. Нехорошо так распускать нервы. Что-то его слишком зацепил утренний звонок и то, что не вышла статья. Есть шанс, что директор завода просто удовлетворится тем, что документы у него, и неприятностей не будет…

Уловив за спиной какое-то резкое движение, Шатов оглянулся. Чем-то жена не угодила крысенку, и он решил восстановить дисциплину в семье прямо в вагоне метро.

Он ее ударил не сильно, чистенькой маленькой ладошкой по лицу. И огляделся по сторонам. Видели? Он мужик, он глава семьи. И все должны восхищаться тем, как он наводит порядок, как он… Еще одна пощечина.

Жена даже не попыталась защититься или уклониться. Только ниже опустила голову. А супруг с гордостью огляделся. И встретившись с ним взглядом, остальные пассажиры опускали глаза. Им было противно или стыдно за то, что не вмешиваются, а крысенку казалось, что его боятся. И он ударил жену еще раз.

Шатов не успел сдержаться. Горло мужика вдруг оказалось у Шатова в руке. Мягкое влажное горло подалось под нажимом пальцев. Злость на себя и ненависть к этому мелкому подонку сводили руку как судорогой, и Шатов ясно понял, что сможет сломать это горло, смять его, будто оно из пластилина.

Глаза крысенка округлились. Он захрипел. Шатов дважды ударил его затылком о стену вагона и, наклонившись, сказал:

– Еще раз ее тронешь – убью. Размажу по стене. Понял?

Мужичонка кивнул.

Шатов резко выдохнул и разжал пальцы. Он его чуть не убил. Еще секунда…

Шатов вернулся на свое место и отвернулся. Еще секунда…

Вагон въехал на станцию. Нужно выходить. Шатов шагнул к двери, оглянулся. Крысенок отвернулся. Губы его жены шевельнулись. Чуть заметно.

Спасибо.

Шатов вышел из вагона.

Спасибо.

Они приедут домой, и муж даст волю своей злости. Она будет покорно терпеть его удары и знать, что бьют ее из-за этого ненормального в метро, решившего защищать справедливость. Но сейчас – спасибо.

Шатов походя врезал кулаком по мраморной колонне и не почувствовал боли.

Поднялся по ступенькам к выходу. Вокруг двигались люди, чем-то торговали, что-то просили, надсадно играла скрипка. Спокойно. Сегодня нельзя никого убивать. В конце концов, никто не виноват в том, что…

А если виноват – ему же хуже.

Шатов быстро дошел до здания НИИ, где «Новости» арендовали целый этаж, поднялся в лифте на шестой этаж.

– Привет, – первым поздоровался с Шатовым охранник.

– Здравствуй, Макс, – заставил себя улыбнуться Шатов, – кто в редакции?

– Так ведь все в отпуске…

– Что, никого нет?

– Начальства – никого. Из журналистов – тоже. Томашов на верстке. И кто-то из реализации, я не заметил.

– Томашов на верстке, – повторил Шатов.

Сережа работает с самого утра. Молодец. Подрабатывает в свободное время. Вот мы сейчас и выясним, как это ему пришла в голову такая славная идея продать статью.

Томашов не оглянулся на дверь, когда Шатов вошел в комнату. Что-то он там сооружал на мониторе, щелкая мышкой. На голове были наушники.

Музыку слушаем, ухмыльнулся Шатов, сейчас запоем.

Сразу бить Томашова Шатов не стал, хотя сдержался с трудом. Спокойно. Вначале просто поговорить, уточнить подробности. И только после этого. Кулаки сжались сами собой. Шатов заставил себя кулаки разжать и легонько похлопал Сергея по плечу. Тот вздрогнул, оглянулся и неуверенно улыбнулся, снимая наушники:

– Испугал.

– Извини, – улыбка застыла на лице Шатова, – я хотел у тебя спросить…

– Что?

– Сколько сейчас стоит внести изменение в макет газеты?

– В смысле?

– Ну, если кто-нибудь попросит верстальщика снять один материал из макета и поставить другой.

Лицо Сергея выразило легкое недоумения. Он пожал плечами:

– Нисколько, я ведь на ставке.

– Ты не понял, если тебя попросит кто-нибудь со стороны, не начальство.

– Как это?

Шатов задержал на мгновение дыхание. Спокойно.

– Вот, например, ты вчера снял мою статью с первой полосы. Сколько тебе заплатил Васильев?

– Как-кой Васильев? – Сережа попытался встать, но Шатов надавил на его плечо.

– Директор дрожжевого завода, которому ты продал мою статью.

Лицо Томашова стало испуганным. Он почувствовал, что сейчас может произойти все, что угодно и торопливо заговорил:

– Твою статью… вчера.

– Мою статью, вчера, – Шатов не удержался и легонько стукнул Томашова в челюсть. Чуть-чуть, только наметил удар.

– Шеф приказал, – выпалил верстальщик, – шеф. Перед самой отправкой в типографию зашел, приказал исправить и вывести новую пленку.

– Шеф, говоришь… – Шатов ударил чуть сильнее.

Томашов попытался оттолкнуть Шатова, но вместо этого сам слетел со стула и упал.

– Еще раз спрашиваю, сколько тебе заплатил Васильев? – Шатов не дал Томашову подняться и придавил его к полу коленкой.

Верстальщик дернулся и тут же получил оплеуху.

– Правда, шеф приказал, честно, – выкрикнул Томашов.

– Не свисти, – Шатов наклонился к Томашову.

– Да что я, с ума сошел? Пленки просматривает перед отправкой главный и Машка. Они же смотрят на все…

Шатов замер.

Да. Так оно и есть. Именно это крутилось у него в голове. Только главный или шеф. Только они могли внести изменения без риска.

– Во сколько ты заменял статью? – спросил Шатов.

– Около девяти вечера.

Около девяти веселье за столом как раз достигло своего апогея. И Шатов даже под угрозой смерти не смог бы вспомнить, выходил ли шеф из-за стола.

Значит, это все-таки шеф. Сволочь. Он ведь не мог не знать, какие проблемы возникнут у Шатова после того, как документы попадут к Васильеву. Не мог не знать и все-таки продал.

Не документы, он Шатова продал. Подставил его.

Подставил. И что теперь? Что теперь делать? Ждать, что решит делать с журналистом директор завода?

– Женя, тебя… – Макс замер на пороге, обнаружив, что журналист на полу слегка придушил верстальщика.

– Что? – Шатов выпрямился, отпустив Томашова.

– Тебя к телефону.

– Иду.

Шатов вышел в коридор, закрыл за собой дверь и с минуту постоял, закрыв глаза. А вот что делать теперь? Он решил приехать в редакцию, а потом уже действовать по обстоятельствам. Приехал. Что дальше?

Дальше…

Дальше нужно пойти и поговорить по телефону. Его ведь позвали к телефону. Интересно, кто?

– К какому телефону, Макс? – крикнул Шатов.

Охранник махнул рукой в сторону приемной.

– Да, – сказал Шатов, сев в секретарское кресло и взяв телефонную трубку.

– Вы там случайно никого не били? – спросил голос в телефонной трубке.

– Послушайте, – взорвался Шатов, – я не знаю, кто вы такой…

В трубке что-то щелкнуло и пошли короткие гудки. Сорвалось, подумал Шатов.

Эта сволочь нашла его даже в редакции. Хотя почему даже? В редакции ему как раз быть совершенно естественно. Бросить все по первому звонку неизвестного доброжелателя и приехать в редакцию.

Телефон зазвонил.

– «Новости», – Шатов понимал, что это, скорее всего, его неизвестный собеседник, но на всякий случай ответил официально.

– Если вы еще раз попытаетесь повысить на меня голос, то я перестану с вами общаться, и вы не сможете получить от меня важную информацию, – предупредил спокойный неизвестный.

– Я не буду повышать на вас голос, – пообещал Шатов.

– Вот и хорошо. Вы, значит, мне не поверили и приехали разбираться в редакцию.

– Приехал.

– А что, по телефону этого выяснить было нельзя? Ведь вы же прекрасно знали, что начальства в редакции нет. И если бы вы вместо того, чтобы бежать, просто посидели и подумали, то сами бы поняли, что утечка произошла на самом верху вашей газеты, – в голосе прозвучала ирония.

– Да, наверху. Это все, что вы хотели мне сообщить?

– Уважаемый Евгений Сергеевич, я мог бы вообще ничего вам не сообщать, если бы не имел в вас некоторой заинтересованности. Посему слушайте меня дальше.

Шатов усмехнулся, товарищ собеседник показывает зубы и сейчас, видимо, готовится перейти в атаку.

– В настоящий момент вы находитесь в приемной вашего уважаемого шефа, – констатировал голос, – и не знаете, что в течение ближайших пяти – десяти минут, в редакцию прибудут посланцы от господина Васильева.

– Что?

– Вы прекрасно слышали, что я сказал. Слышали?

– Да.

– И поняли?

– Да.

– Очень хорошо. У нас с вами наметился прогресс в общении. Вы не вскочили с места и не пустились в бега, а ждете, что я вам еще скажу. А скажу я вам следующее… – возникла пауза, длившаяся с полминуты.

Шатов терпеливо ждал. Его явно испытывают, дают понять кто здесь главный.

– Уже намного лучше, – в голосе на этот раз прозвучало удовлетворение, – но у вас осталось очень мало времени. Посему, вы пройдете к своему рабочему столу и в ящике возьмете для себя посылку. Небольшой бумажный пакет. После чего немедленно – я подчеркиваю – немедленно, отправляетесь вон из здания редакции и института. Я с вами потом свяжусь.

– А как?… – вырвалось у Шатова, но телефон уже пищал отбой.

Бежать, значит, за пакетом, а потом вон на улицу. С нами потом свяжутся…

Шатов посмотрел на стенные часы, потом на свои ручные. Если голос не врет, а он пока не врал, осталось совсем немного времени на то, чтобы без побоев убраться из редакции.

В редакционной комнате после вчерашнего еще не прибирали. Грязная посуда, объедки, на полу под столом – пустые бутылки. Да, неплохо погуляли. Шумно, если судить по обломкам стула, валяющимся в углу. Это что же мы здесь такое вчера устраивали, попытался вспомнить Шатов, разглядев среди обломков интимную деталь дамского туалета. Стриптиза не помню, почти огорчился Шатов, или это уже без меня догуливали?

Но мы не за этим сюда пришли, мы сюда прибыли за посылкой.

Пакет действительно лежал в ящике стола, заботливо прикрытый черновиком злосчастной статьи. Если это ирония, то достаточно злая.

Шатов рванул бумагу, облепленную скотчем. Что там у нас. На мгновение все вокруг показалось нереальным. Это уже было в кино – незнакомец по телефону, пакет в офисе и в нем мобильный телефон.

И после этого главному герою пришлось бежать прочь. И приключения ему выпали не самые приятные.

Бежать. Телефон в руке запиликал. Шатов поискал кнопку, нажал:

– Да?

– Вы еще в редакции?

– Угадайте.

– Есть очень большой риск, что вы там не одни. Прикиньте как будете выкручиваться. На всякий случай – через час будьте в парке. В районе ресторана «Старая крепость». Знаете, где это?

– Шутите? – зло переспросил Шатов.

После новогодней разборки со стрельбой и десятком убитых, «Старая крепость» стала городской достопримечательностью.

– Шучу. Удачи вам, Евгений Сергеевич.

Удачи. Шатов спрятал телефон в карман, подошел к двери и осторожно выглянул в коридор.

Вдалеке, за столом напротив лифта, Макс читал газету. Вроде бы еще не пришли. Шатов быстрым шагом прошел до лифта.

– Уходишь? – не поднимая головы спросил Макс.

– Ухожу. Отпуск у меня, – кнопка лифта светилась, лифт ехал и, похоже, вниз.

– Счастливый, – одобрительно кивнул охранник.

Лифт остановился. Двигатель снова заработал. Кто-то поднимался наверх, и Шатов догадывался, кто именно.

– Запасной выход открыт? – спросил Шатов у Макса.

– Открыт, а что?

– Я пошел туда, если меня сейчас кто-нибудь спросит, – Шатов мельком глянул в сторону лифта и почти бегом направился к двери на лестницу, – я…

– Что? – переспросил немного удивленный Макс.

– Выпрыгнул в окно, – крикнул Шатов и побежал по лестнице вниз.

Макс задумчиво посмотрел на захлопнувшуюся с грохотом дверь. Странно все это, подумал Макс. Хотя с журналистами всегда так. Творческие люди.

Открылась дверь лифта и перед Максом предстала пара крепких парней – спортивные штаны, кроссовки, майки, демонстрирующие внушительные мышцы рук и шеи.

– Вам кого? – спросил Макс.

– Шатова.

– Он… – Макс замялся, с трудом подавляя желание посмотреть в сторону лестницы.

– Где Шатов? – переспросил один из посетителей, тот, что был чуть повыше.

– Он… ушел.

– Куда?

– А вам какое дело? – решил все-таки поставить гостей на место охранник. – Редакция закрыта, Шатов в отпуске.

Удар отбросил Макса в сторону, второй пресек попытку встать и схватиться за резиновую дубинку.

Макс застонал.

Его резко подняли на ноги:

– Где Шатов, он же сегодня приезжал.

– Он… – Макс не хотел отвечать, он не привык, когда с ним разговаривают вот так. Макс вообще не любил, когда его били.

Раздался щелчок и перед глазами Макса появилось лезвие ножа.

– Где Шатов?

Металл коснулся щеки охранника.

– Он тебе что – родственник? Хочешь за него кровь пролить? У нас ведь просто: чик и глаза нету. Думай быстрее…

Макс сглотнул. Он не любил, когда с ним так разговаривают, он не любил, когда его бьют или когда ему угрожают, но нож был настоящий, был рядом, и под нажимом его острия на щеке выступила капелька крови.

– Он по лестнице пошел, минуту назад.

– Что ж ты сразу не сказал, козел! – страшный удар в лицо отшвырнул охранника к стене.

Лифт кто-то вызвал, и оба бритоголовых бросились к лестнице.

Шатов видел, как они метались по улице перед зданием института. Что они говорили друг другу, Шатов расслышать не мог. Сам он укрылся за деревом в сквере недалеко от здания и теперь наблюдал, переводя дыхание.

Крепкие парни. И решительно настроенные. Что, интересно, они собирались делать с ним в людном месте? Просто поговорить? Слишком они решительно настроены для разговора. Слишком.

Наконец, посланцы Васильева немного успокоились, сели в коричневую БМВ, и машина достаточно быстро исчезла в потоке других машин на проспекте.

Шатов нащупал в кармане телефон.

Куда-то нужно ехать. Куда? Домой? Что-то подсказывало Шатову, что туда, во всяком случае, пока, возвращаться не стоит.

Рвануть к кому-нибудь из знакомых? К кому? Кого не жалко… Ведь если его начали искать серьезно, а это, похоже, именно так, то искать будут и у знакомых.

К ментам? Шатов перебрал в уме несколько фамилий. И что он им скажет? Что его хотели убить? С чего он взял? А, ему по телефону неизвестно кто позвонил… Как интересно! А ты не слишком много детективов читаешь? Да еще по солнцу без головного убора ходишь? По тридцатиградусной жаре.

Ступай себе с богом, и не морочь занятым людям голову. Но если с тобой что-нибудь случится – мы конечно же будем расследовать причины и виновников твоего убийства.

Так что, выбора особого нет, придется двигаться к ресторану «Старая крепость». И ждать, что еще скажет по телефону заботливый незнакомец. И надеяться, что он скажет что-нибудь хорошее, внушающее оптимизм.

Шатов посмотрел на часы – у него еще есть сорок минут, чтобы добраться до ресторана. Если ехать на автобусе – можно не успеть, это на другом конце города. Придется ловить тачку.

С нынешним движением это будет ненамного быстрее, зато позволит немного оглядеться и прийти в себя.

«Жигуленок» отреагировал на первый же взмах руки, вывалился из общего потока и остановился возле Шатова.

– В парк, к «Старухе», – Шатов сел на переднее сидение и захлопнул дверцу.

– Осторожнее, – недовольно бросил водитель, – там хороший замок.

– Извини.

– Извини… Вот так целый день только и знаешь – хлоп-хлоп. Силу девать некуда.

– Ну я же сказал, больше не буду.

– Ладно, поехали, – смилостивился водитель.

Шатов потер костяшки пальцев на правой руке. Больно. Посмотрел и обнаружил, что на двух суставах имеются ссадины. Это когда он умудрился? А, в метро.

Водитель вел машину легко, ловко вклиниваясь в малейший промежуток в потоке и, самое главное, даже не пытался заговорить с пассажиром. Не имел такой привычки или просто обиделся на Шатова за дверцу.

Ну и хорошо. Шатов откинулся на спинку кресла. Закрыл глаза.

Хорошо начался отпуск. Просто замечательно. И чем закончится – никому не известно. И закончится ли вообще. Может, нужно просто поехать на дрожжевой завод и попросить прощения? Пообещать исправиться, поцеловать в коленку… Что еще? Ну пусть побьет, если ему от этого станет легче.

Мысль была настолько соблазнительной, что Шатов еле удержался от того, чтобы не изменить маршрут следования. Потом. Он всегда может успеть заехать на завод. До вечера еще куча времени. Здоровенная. Такая громадная, что ее еще нужно каким-то образом преодолеть. Пережить.

– К самому кабаку подвозить? – спросил водитель.

Шатов посмотрел на часы. Быстро доехали, еще пятнадцать минут до назначенного времени.

– Высади здесь, я пройдусь, – Шатов сунул водиле купюру, вылез из машины и аккуратно прикрыл дверцу.

«Жигуленок» развернулся и уехал.

Шатов огляделся по сторонам. Народу мало, машин почти нет. Очень хорошо. Солнце палит немилосердно. Можно не торопясь пройти по тенистой аллее, заодно посмотреть, не идет ли кто следом.

Еще раз взглянув вслед удаляющимся «жигулям», Шатов замер. Со встречной полосы съехала коричневая БМВ, подрезал «жигуленка» и прижала его к обочине.

Двое из БМВ чертиками выскочили наружу, открыли дверцу «жигулей» и выволокли на дорогу водителя.

Голоса до Шатова не доносились, но он на всякий случай попятился за дерево.

Водителя несколько раз ударили. Сволочи, быки недоделанные. Потом оба быка оставили в покое водителя и оглянулись в сторону Шатова.

Он затаил дыхание. Купили его быки классно. Им было только нужно немного подождать в стороне, а потом проследить за ним по городу. Теперь к «Старухе» можно не идти – водила наверняка им сказал, куда именно собирался пассажир.

Быки тем временем сели в машину, она развернулась и, не торопясь, поехала вдоль кромки парка.

Шатов осторожно присел за кустом, радуясь, что одет не очень ярко. Ему показалось, что БМВ притормозила. Показалось.

С неудовольствием Шатов заметил, что затаил дыхание, будто его могли услышать эти уроды в БМВ. И вздрогнул, когда снова подал голос телефон.

– Да.

– Я не вижу вас на месте встречи, – недовольным тоном сказал телефон.

– Зато я вижу сейчас двоих крепких парней, которые каким-то образом проследили меня до парка.

– А вы как хотели? Чтобы за вами послали слепоглухонемых? Нужно было почаще оглядываться.

– Спасибо за совет.

БМВ остановилась напротив дороги, ведущей в глубину парка, к ресторану.

– Что вы замолчали? – поинтересовался голос.

– Смотрю, поедут ли к ресторану мои поклонники.

БМВ свернула на парковую дорогу, и его скрыли от Шатова кусты.

– Они поехали к ресторану.

– Что ж, придется назначать вам другое место встречи.

– Сделайте одолжение.

– Давайте через… Еще через час встретимся у нового универмага. Метрах в ста от него по проспекту есть заброшенное здание. Кирпичное, пять этажей. Знаете?

– Знаю.

– Вот там и встретимся через час. Место спокойное, масса выходов, так что, если вы снова проморгаете наблюдение, можно будет незаметно уйти.

– Где мы встречаемся конкретно?

– Где-нибудь внутри. Я вас найду. До встречи, – и связь прервалась.

Шатов поглядел в сторону скрывшейся БМВ.

Надо уезжать. До универмага недалеко, но лучше будет поплутать по рынку – на всякий случай. И несколько раз сменить транспорт.

Глава 2

…Синоптики не соврали. Погода действительно была ясная, сухая и с температурой до тридцати трех градусов. Шатов допустил оплошность, выпив пол-литра кваса. Жидкость, не задержавшись в организме ни на секунду, выступила неприятными пятнами на рубашке. Тело стало липким.

Но самым тяжелым оказалось не это. Труднее всего было постоянно помнить, что за тобой могут следить, что нужно постоянно оглядываться, пытаясь разглядеть в толпе кого-нибудь из пары головорезов. Идея поплутать по рынку, показавшаяся поначалу привлекательной, очень быстро стала выглядеть нелепой и обременительной.

В такой толкучке был, конечно, шанс оторваться от возможного хвоста, но куда большей была вероятность проглядеть любое количество соглядатаев. В галдящем и копошащемся муравейнике рынка совершенно незаметно могло укрыться до батальона английских гвардейцев, в полном парадном облачении, белых ремнях, медвежьих шапках, красных мундирах и с ружьями на плече.

Шатов несколько раз прошел по овощным и фруктовым рядам, пару раз резко оглянувшись и сменив направление движения. Вроде бы никого нет. Или кто-то есть, но Шатов не смог его разглядеть.

Сзади кто-то сильно ударил Шатов в бок, в районе печени. Шатов шарахнулся в сторону, оглянулся. Угрюмый мужик с ящиком наперевес, не извинившись, проследовал дальше. Черт. А если бы это был убийца? И если бы он ткнул не ящиком, а ножом? Или просто заточенной отверткой…

Шатов извлек из кармана брюк платок и попытался вытереть лицо. Платок был мокрым насквозь. Часы намекнули, что до встречи в заброшенном доме осталось ровно пятнадцать минут.

Нужно идти. Что бы там ни было – нужно идти. Заодно, проходя по достаточно безлюдной дороге мимо заводского ДК, можно оглянуться и убедиться, что сзади никто не топчется. Оставалось только надеяться, что, кроме боевой парочки, следом за Шатовым не ходит никто другой.

Хоть бы дождь пошел, что ли. Немного прибил пыль и остудил горячий асфальт. Шатову представилось, как капли дождя устремляются к земле, падают на раскаленные крыши, прилавки, тела людей и с шипением превращаются в обжигающий пар… Господи, примерещится же такое.

Сразу за рынком, по пути к ДК, вдоль аллейки расположились торговцы всяким старьем, от книг, до потемневшей от времени и невзгод бижутерии. Шатов остановился, делая вид, что рассматривает, присел возле книг и только через десять минут сообразил, что увлекся, что еще немного и требовательно подаст из кармана голос мобильный телефон. А обладатель мобилки будет в этом приюте бедности выглядеть, мягко говоря, чуждо.

И, кстати, он ведь собирался только оглядеться.

Ну не рожден Шатов для игр в сыщики-разбойники. Это нужно быть законченным параноиком, чтобы всегда быть в состоянии боевой готовности, анализировать все происходящее вокруг и мгновенно реагировать на любую возникшую опасность.

Черт с ним, пусть будет что будет. Шатов все-таки заставил себя по дороге к дому трижды оглянуться назад и почти минуту стоял возле самого дома, рассматривая тех, кто шел следом. Никого внушающего подозрения.

Вернее, никого, кто внушал подозрение особое. Подозрительно выглядели все, даже мальчишка лет двенадцати что-то уж слишком пристально рассматривал проезжавший мимо трамвай.

Среди машин на проспекте, насколько мог видеть Шатов, коричневая БМВ не фигурировала.

Поехали, прошептал про себя Шатов, время встречи пришло. Где ты, неизвестный спаситель?

Входная дверь была заколочена наглухо, как и окна первого этажа.

Шатов прошел вдоль фасада старой ободранной пятиэтажки, прикидывая, как можно проникнуть вовнутрь. Раньше здесь был то ли военкомат, то ли пересыльный пункт, потом размещалась какая-то воинская часть, а последние лет десять не было никого. Официально.

Неофициально здесь бывал кто угодно. Шатов вдруг вспомнил минимум три случая за последние два года, когда убитые были обнаружены именно в этом, когда-то красном здании.

Вот и сегодня… Шатов оборвал эту мысль. Все будет нормально. Все будет превосходно. Зачем-то меня хочет видеть этот телефонный тип. И, кстати, телефон, который он прислал Шатову, ведь не просто средство связи, но и знак того, что в Шатове заинтересован достаточно серьезный человек.

Эта мысль окончательно сформировалась у Шатова, когда он пролез сквозь дыру в заборе и обнаружил, что боковая дверь в здании приоткрыта. Двор был изгажен основательно. Идти пришлось, внимательно глядя под ноги, чтобы не вступить во что-нибудь или на что-нибудь не напороться.

Дверь подалась с трудом, проскрежетала по остаткам крыльца и наглухо заклинилась как раз так, чтобы Шатов мог протиснуться в щель, подобрав живот.

Шатов поздравил себя с тем, что не порвал ничего из одежды, и огляделся. Внутри дом выглядел ничуть не лучше, чем снаружи. Более того, если снаружи пять этажей вроде бы крепко держались друг за друга, то внутри битый кирпич покрывал пол в коридоре почти полностью, а от штукатурки остались только пересечения дранки на стенах. Перила с лестничного пролета куда-то подевались, стены первой комнаты, в которую заглянул Шатов сквозь дверной проем, оказались закопченными так, будто здесь ежедневно или еженощно жгли автомобильные покрышки.

И как теперь его искать, подумал Шатов. Крикнуть? Эй, ты! А если тут есть еще какой-нибудь бомж? С ним объясняться?

Черт. Ладно, пошел на компромисс с самим собой Шатов, пройдусь по первому этажу. Наверх не полезу. Нужно иметь склонность к суициду, чтобы отправляться по еле держащимся ступеням.

Прогулка по первому этажу тоже могла закончиться ушибами или переломами. Или побоями, сказал вдруг сам себе Шатов и замер. Входная дверь со скрежетом распахнулась. На пороге появилась темная фигура.

Шатов шарахнулся к лестничной клетке. Он не рассмотрел, кто именно распахнул заклинившую намертво дверь, но в душе что-то звякнуло, предупреждая. Это за ним.

За ним. И теперь нужно быстро решать, куда прятаться и что делать. Кровь бросилась в голову. Бежать… Куда? Центральная дверь заколочена. Есть ли тут другие выходы, Шатов не знал. Реальным был только путь наверх. На второй этаж, а там спрыгнуть. Повиснуть на руках и спрыгнуть. Дом старый, этажи высокие, но все равно должно получиться.

Шатов шагнул к ступенькам. Постарался поставить ногу тихо, но щебенка захрустела. Твою мать! Пришлось замереть.

От входа послышались шаги. Уверенные шаги человека, который не собирается прятаться и который точно знает, к чему стремится.

У Шатова мелькнула слабая надежда, что пришел тот, кто назначал свидание, но надежде выпала недолгая жизнь.

– Где этот козел? – спросил голос в коридоре.

– Где-то тут, – ответил другой голос.

– Глянь по комнатам, а я двинусь к лестнице.

Загремела пустая жестянка, что-то треснуло, с шорохом осело.

– Ты там осторожно, а то дом развалится.

– Принесло его сюда, урода, – пожаловался голос.

– Это ты ему сейчас сам все расскажешь, – хмыкнули в ответ.

Голоса звучали гулко, и каждый звук был слышен, отчетливо. Вот кто-то прошел по куску кровельного железа. Почти возле самого поворота к лестнице.

– Слышь, Мирон, – окликнул тот, что остался возле входа, – я двину наверх, а ты бегом проскочи коридор до конца и тоже поднимайся, по центральной. Усек?

– Усек, только ты тут сам бегай. Ноги можно на фиг поломать, – ответил Мирон.

– Поумничай еще! Я бабки так поделю, что потом…

– Я тебе поделю, – огрызнулся Мирон, но битый кирпич стал поскрипывать гораздо чаще.

Вот что значит материальная заинтересованность, помимо воли оценил Шатов. Раньше это называлось коэффициентом участия.

Только теперь ленивому Мирону осталось пройти всего пару метров, чтобы увидеть Шатова. А после этого…

Бесшумно подняться на второй этаж не получится, посему стоит постараться подняться просто быстрее. Шатов шагнул. Скрип. Еще шаг – шорох.

– Васек! – крикнул Мирон почти радостно, – он на второй этаж прется!

Не оглядываясь Шатов побежал наверх, молясь про себя, чтобы не поскользнуться и чтобы не провалилась лестница к чертовой матери. Непонятно, что именно собирались с ним делать Мирон и Васек, но убиться, упав с высоты пяти метров, также не хотелось.

– Стой, козел! – крикнул сзади Мирон.

Ага, сейчас, сейчас все брошу… Шатов чудом удержался на ногах, когда одна ступенька развалилась под ним. Ступню зажало, и Шатов испугался, что не сможет освободиться. Рванулся. Нормально. Несколько оставшихся ступенек он перемахнул одним прыжком, вылетел в коридор.

На лестнице чем-то грохотал Мирон. Васек… Что-то давно не подавал голоса Васек, не к добру. Шатов оглянулся налево, в сторону второй лестнице. Васек молчал, но времени зря не тратил. Он был уже в коридоре.

Шатов, не раздумывая, вбежал в комнату. И замер. Как он мог забыть, что это действительно был пересыльный пункт. Окна второго этажа были тщательно забраны решетками, сильно поржавевшими, но еще крепкими.

– Привет, – сказал Васек, остановившись на пороге комнаты, – хватит, побегал.

На полу не было ничего, чтобы могло стать оружием. Даже кирпичей на полу не было. Шатов попятился к окну.

Влип. Вот так жалко и нелепо попался. Как же они его вычислили, сволочи? Как он их проморгал?

– Что вам нужно? – выдавил из себя Шатов, понимая, что сейчас от него уже ничего не зависит.

Разве что крикнуть в окно, чтобы его бежали спасать. Только окно выходит в захламленный и поросший лопухами двор.

– Нам от тебя ничего не нужно, – улыбнулся Васек.

– А, вот он, сука… – отодвинув приятеля, в комнату ввалился Мирон.

Сердце у Шатова колотилось. Вот и все. Вот и наступил момент истины. Сейчас все станет понятно…

Прорваться? Шатов в юности занимался регби и понимал, что обежать обоих, или тем более, прорваться сквозь них, шансов у него нет. Абсолютно.

– Кто вас послал…

– А тебе какое дело? – осведомился Мирон.

Он немного расслабился, увидев, что жертва не собирается сопротивляться, а пытается вступить в переговоры. Сам он явно не был сторонником болтовни.

Шатов несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь унять сердцебиение.

– Не плачь, милый, – Мирон приблизился, чуть смещаясь в сторону, чтобы не пересекать дорогу Ваську.

Тот молчал, на лице играли желваки. Этот тоже разговаривать не собирался.

До них оставалось метра три, когда Шатов рванулся с места. К Мирону. Тот отреагировать не успел, толчок двумя руками в грудь застал его врасплох. Лучше было бы опрокинуть его в сторону, на Васька, но времени на всякие там подсечки и броски не было.

Шатов побежал. К двери. А там просто нужно не упасть на лестнице, проскочить по коридору…

В спину ударило будто молотом. Шатов почувствовал, что теряет равновесие, попытался удержаться на ногах, но следующий удар свалил его на пол. Лицом в пыль.

Шатов не успел ни сгруппироваться, ни перекатиться. Он ударился животом и грудью, дыхание пресеклось.

Полыхнуло болью в боку, еще раз. Ногами… Его бьют ногами. Нужно подтянуть колени к животу и прикрыть локтем бок. Еще удар.

Глубокий вдох, на губах вкус пыли, а выдох… Выдох из Шатова выбил очередной удар. В глазах потемнело. Только билась мысль – прикрыться, прикрыться.

Чьи-то пальцы вцепились в волосы и рванули голову вверх.

– Ах ты, сволочь! Ты на кого это попер…

Это Мирон обиделся, вяло подумал Шатов. Все тело было словно чужое, будто резиновое и совершенно не желало подчиняться.

Шатова перевернули. Солнечный свет из окна бил в глаза, поэтому обоих быков Шатов видел как темные силуэты где-то далеко вверху. Только голоса… Только голоса он еще различал, когда пробивались они сквозь шум в ушах.

– … молчишь, сука… чишь… – и удар, снова ногой, в грудь.

И шум крови в голове, и удары сердца. Сердце дробно стучало, словно взбесившийся метроном.

– … бегать… урод… решу…

И снова удар.

И снова вспышка боли, и снова тело пытается свернуться, сжаться в комок. И снова его настигает удар.

Тело согнул приступ кашля. Шатов лежал на боку, пытаясь прокашляться и унять боль, и заставить свое тело вздохнуть, хоть еще раз, хоть немного…

К нему кто-то наклонился. Мирон? Васек? Он уже даже голосов не мог отличить. Его снова перевернули на спину, чье-то лицо приблизилось к нему.

Сволочи, прошептал Шатов.

– Что? – спросило лицо.

– Сволочи, – Шатов повторил громче, так ему, во всяком случае, показалось.

Взгляд ни как не фокусировался, вместо лица размытое пятно.

Сволочи, думаете все? Думаете, конец Шатову? Он еще сможет, он еще…

Удар вышел скользящим, Шатов даже не сжал кулак. Он ударил изо всех сил, но не его вина была в том, что сил на большее не было. Растопыренными пальцами. В лицо.

И стон боли, и ругань, и новые удары.

Его голову снова приподняли за волосы, дважды ударили об пол затылком.

– Ублюдки, – Шатову удалось выдавить на этот из себя слова достаточно громко и внятно.

Наказания не последовало. Кто-то встряхнул его голову. Пощечина.

Шатов застонал и попытался уклониться от следующей. Тщетно.

– Слышишь меня? Слышишь?

– Ублюдки…

– Слышишь?

– Слышу…

– Тебе просили передать, чтобы ты понял… Не лезь не в свое дело… Ты понял?

– Передать… – прошептал Шатов.

– Ты понял?

– Понял, – он действительно понял, ему просили передать, а потом… – а что?…

– Чтобы ты понял, что полез не в то дело! Ты понял…

– Я понял, – уже осмысленно ответил Шатов, – а потом что?

– Потом…

Его подхватили подмышки, оттащили к стене и посадили, прислонив спиной. Шатов застонал.

– Потом сказали, чтобы мы привели тебя в чувство. Это обязательно. Чтобы ты оклемался немного. Ты оклемался.

Шатов попытался поднять руку, чтобы ощупать тело, но она не подчинилась.

– Ты все ясно понимаешь, козел? – это к разговору подключился Мирон. – Ясно?

– Понимаю, ясно, – сказал Шатов.

В голове действительно немного прояснилось. Настолько, чтобы увидеть и комнату, и лица обоих приятелей, загорелое, с родинкой на щеке, Васька, бледное, со ссадиной на щеке – Мирона.

Это он когда упал, ссадину получил, удовлетворенно подумал Шатов. Слабое утешение, но все-таки.

Васек легко присел на корточки:

– Ты все понимаешь, все видишь. Так?

– Да, я в твердом уме и крепкой памяти, – ответил Шатов.

Неужели это все? Неужели экзекуция закончилась? Просто попинали и все. И хватит. Он и так запомнит на всю жизнь – не лезь в чужие дела. Он запомнит.

– Я запомню…

– А вот это – не важно. Ты должен был оклематься, чтобы понять…

– Я понял…

– Нет, ты не понял… Тебя сейчас будут мочить, братан, – сказал Мирон, – и так мочить, чтобы ты до последней минуты помнил, за что умираешь. Понял?

Ленивым жестом Мирон достал из кармана нож, нажал на кнопку.

– Продезинфицировать? – по слогам спросил Мирон. Он, похоже, специально выучил это сложное слово, чтобы задать этот вопрос и увидеть, как расширяются от испуга глаза жертвы. Этого козла, который заставил их пробегать целый день, а потом даже умудрился сбить с ног его, Мирона.

– Можно было бы, конечно, ткнуть тебя в сердце, но ты бы слишком быстро умер. Чик – и готово. Я тебе горло перережу, медленно перережу, а потом юшка медленно вытечет из тебя…

– Не тяни, – бросил Васек.

– Успеем, – засмеялся Мирон.

– Не тя… – Васек оборвал фразу на полуслове и упал. Навзничь, как подрубленное дерево.

– Ты чего? – Мирон обернулся, и выражение его лица изменилось.

Что-то он там такое увидел, что-то неприятное и страшное.

– Ты что делаешь, сука? – вскричал Мирон, вскакивая с корточек и взмахивая ножом.

Его горло вдруг будто взорвалось. Из шеи, под затылком, вырвались красные брызги, и красный фонтан выплеснулся из дырки, появившейся вдруг на кадыке.

Мирон взмахнул руками, нож описал дугу и полетел куда-то в глубину комнаты. Тело Мирона упало, голова подпрыгнула, ударившись затылком об пол, повернулась вправо, лицом к Шатову, и он увидел, как гаснут глаза Мирона.

Изо рта потекла кровь.

Шатов поискал глазами Васька.

Неподвижен. Мертв.

– Евгений Сергеевич?

Шатов не сразу сообразил, что его назвали по имени.

– Евгений Сергеевич!

– Что?

– Вы можете встать?

– Встать?

По лицу Мирона прошла судорога, и оно застыло.

– Нам нужно торопиться, Евгений Сергеевич. Вставайте.

Это его просят встать. Шатов кивнул. Оперся на руку, встал на колени. Потом встал на ноги.

– Могу! – сказал Шатов громко.

– Пойдемте.

Шатов обернулся на голос. Мужчина средних лет. Крепкий. В светлых брюках и белой рубашке. В левой руке – небольшой кейс, в правой…

Пистолет. И с глушителем. Шатов снова кивнул – правильно. Он ведь не слышал выстрелов. И никто не слышал. Все прошло тихо.

– Как вас зовут? – спросил Шатов.

– Какая разница? – спокойно спросил в ответ незнакомец, пряча пистолет в кейс.

– Я ни куда не пойду, пока вы не скажете, как вас зовут, – упрямо потребовал Шатов.

– Если нас застанут здесь…

– Как вас зовут?

Незнакомец покачал головой:

– Арсений Ильич. Пойдемте.

Шатов осторожно сделал первый шаг. Оперся о стену.

– Проблемы? – спросил Арсений Ильич.

– Все нормально.

Потом стало немного легче. Шатов, не оборачиваясь, вышел из комнаты, спустился на первый этаж, без посторонней помощи вышел во двор.

– Минутку.

– Что?

– Подождите минутку, вам нужно немного привести себя в порядок, – Арсений Ильич извлек из кейса плоскую флягу, – подставляйте руки, я вам солью.

Стараясь не делать резких движений, Шатов аккуратно сполоснул руки, потер лицо.

– Вытряхните одежду, – подсказал Арсений Ильич.

– Ее только что вытряхивали, – прошептал Шатов.

– И тем не менее.

Медленно Шатов отряхнул брюки, рубашку. Застонал, зацепив ушибленное место.

– Более-менее, – удовлетворенно кивнул Арсений Ильич, – теперь между сараями на соседнюю улицу, пожалуйста. Дойдете?

– Дойду, – уже увереннее сказал Шатов.

…За городом машина прибавила скорости. Арсений Ильич несколько раз искоса посмотрел на Шатова, но тот на это внимания не обратил. Или не заметил. Шатов вообще был словно во сне – деревья проносящиеся за окном, редкие встречные машины – все это было словно в другом мире, словно было отгорожено от сознания Шатова невидимой преградой.

Шатов все видел, все понимал, несколько раз внятно ответил на какие-то вопросы своего спасителя, но не смог бы, даже если бы захотел, вспомнить, что его спрашивал Арсений Ильич, и что он, Евгений Шатов, на эти вопросы отвечал.

Сознание словно остекленело, было прозрачным, ясным, но совершенно неподвижным. Все что Шатов видел, слышал или ощущал, не проникало в глубину, а с легким шорохом скользило по поверхности и исчезало.

Только боль…

Шатов осторожно изменил позу в кресле. Боль отозвалась немедленно, охотно надавила куда-то на печень и остро укусила ребра справа. И при вздохе отозвалась где-то в груди. Сильно. Запершило, перехватывая дыхание, и Шатов, не удержавшись, закашлялся, раззадоривая боль все сильнее.

Прижав руки к груди, скрючившись на сидении, Шатов пытался унять кашель и хоть как-то погасить приступ боли, которая, словно пожар, захватывала теперь все новые уголки его тела.

Как больно!

Как его избили!

Его избили?

Прозрачная преграда в мозгу со звоном лопнула, разом освобождая его сознание и его память.

Засыпанный битым кирпичом коридор, гудящий сквозняком дом, удары, солнечный блик на лезвии ножа…

Его хотели убить… Слабая, словно отдаленное воспоминание, мысль вдруг полыхнула, сжигая и вышвыривая из мозга Шатова все другие мысли.

Его! Хотели! Убить!

Запоздалый ужас стянул кожу на лице. Шатов почувствовал, как начинают судорожно кривиться губы. Он должен был умереть… Там, в полуразрушенном, захламленном доме он должен был сейчас лежать мертвым, с перерезанным горлом, в луже собственной крови… Лежать до тех пор, пока кто-нибудь…

Его нашли бы не сразу – никто не шляется, рискуя свернуть шею на осыпающихся ступенях. И жара…

– Остановите машину, – выдавил из себя Шатов.

– Что? – не оборачиваясь, спросил Арсений Ильич.

– Машину остановите! – выкрикнул Шатов, – Машину…

Он должен был лежать мертвым… Сейчас, сию минуту он был бы уже не живым… Шатов открыл дверцу, вывалился наружу, упал на колени.

Уже не обращая внимания на режущую боль в груди, Шатов глубоко дышал, запрокинув голову. Дышал тяжело, со всхлипом, словно рыдая.

Но он не плакал. Глаза словно высохли и превратились в камни. Он мог думать только об одном – он мог умереть. Он мог умереть. Он мог умереть. Он…

Шатов ударил себя по лицу. Очнись!

Он мог умереть…

Очнись! И снова пощечина самому себе. Ты жив! Ты жив, козел, несмотря ни на что! Это не ты, это они умерли там на втором этаже, в пыли и удушливой духоте. Они, эти двое, которые хотели тебя убить…

Ты жив!

Шатов засмеялся. Вначале тихо, потом все громче. Смех и боль бурлили в теле Шатова, вытесняя все, кроме мысли о том, что он жив. Жив.

Хохот согнул тело Шатова. Хохот и боль швырнули его лицом в пожухлую придорожную траву. Шатов перевернулся на спину и прижал руки к лицу. Он жив, а они умерли.

Пуля разорвала горло тому, который держал в руках нож. Мирону, вспомнил Шатов, его звали Мироном. Его так звал Васек, который умер на мгновение раньше своего приятеля. Умер и остался лежать кучей дряни на развороченном полу.

А он жив! Жив!

– Все?

Шатов услышал вопрос, но внимания на него не обратил. Куда важнее было сейчас дышать, чувствовать спиной колкость травы, и даже боль, пульсирующая в теле, была куда важнее, чем все вопросы, вместе взятые.

– Пришли в себя? – вопрос прозвучал громче, и что-то коснулось плеча Шатова.

Шатов с трудом оторвал руки от лица.

– Я спрашиваю – вы уже пришли в себя? Истерика закончилась? – Арсений Ильич с брезгливым выражением лица посмотрел на лежащего Шатова, потом оглянулся на дорогу. – Вы хотите, чтобы кто-нибудь сердобольный поинтересовался у вас, чем это вы тут занимаетесь? Или чтобы кто-то сердобольный, но осторожный, поведал о нашей с вами мизансцене ближайшему милиционеру?

Смех прекратился. Разом. Шатов сел, не удержался и застонал. Ушел только хохот, боль осталась, безраздельно хозяйничая в теле.

– Помочь встать? – осведомился Арсений Ильич.

– Не нужно, я сам, – Шатов осторожно оперся о землю руками, подтянул ногу, перенес вес на нее, вздрогнул от нового росчерка боли и встал.

– В машину, – приказал Арсений Ильич.

– Я вас не поблагодарил… – пробормотал Шатов.

– Еще успеете, – пообещал Арсений Ильич, – и отработаете многократно. Садитесь, поехали.

Шатов сел в машину. Потер лицо. Замер. Потом аккуратно, сантиметр за сантиметром ощупал свое лицо.

– Что-то не так? – спросил Арсений Ильич.

Шатов молча повернул к себе зеркало заднего вида.

– Увидели что-то новое? – снова спросил Арсений Ильич.

– Лицо… – пробормотал Шатов.

– Не то лицо?

– То. Нет повреждений…

– Что вы говорите? Вот подонки! А где перелом челюсти? Где заплывший глаз? Где расплющенный нос или, на худой конец, разорванная губа?

Шатов вернул зеркало в исходное положение.

Лицо было чистым, без синяков и царапин.

Когда-то давно, еще в девятом классе, Шатов нарвался в темноте на сакраментальный вопрос «Закурить не найдется?». Его били, свалив на землю, били ногами, и ему пришлось почти две недели сидеть дома, чтобы не демонстрировать людям своего вспухшего пятнистого лица и размозженных губ. Очень трудно, избивая лежащего ногами, отказать себе в небольшом удовольствии пнуть несколько раз в лицо.

– Они ни разу не ударили в лицо, – сказал Шатов, глядя перед собой.

– Наверное, я им помешал. Извините.

– Когда вы появились, они уже меня не били. Они собирались перерезать мне… – запоздалый спазм подкатился к горлу.

Шатов сглотнул слюну.

– Вы грустите по этому поводу?

– Просто странно, – Шатов повернул голову влево, к водителю, – у меня профессиональная привычка обращать внимание на странности.

– Кстати, о привычках, – Арсений Ильич мельком глянул в глаза Шатову, – вам не кажется, что эта ваша привычка чуть не отправила вас на тот свет?

Шатов промолчал.

– Вы очень красноречиво молчите, – оценил Арсений Ильич, – мне в вашем молчании даже почудилось нечто вроде – отстань, не суй свой нос в чужие дела. Это даже невежливо. И молчание ваше невежливо. В конце концов, я по вашей милости принял на свою душу грех двойного убийства.

– Извините, – пробормотал Шатов.

– Не извиняю. Я вам уже говорил, что имею к вам небескорыстный интерес. Я хочу получить выгоду.

– Деньги?

– Вас точно не били по голове? – Арсений Ильич хмыкнул, – Лучше помолчите немного, пока мы не приедем на место.

– Куда?

– На место. Уже недалеко, – машина притормозила, сворачивая на заросшую травой и лопухами лесную дорогу.

Шатов внешне безучастно наблюдал за тем, как машина очень медленно и осторожно преодолела какую-то канаву поперек дороги. Здесь мало ездят. И выглядит все безжизненно и запущенно. И за рулем сидит человек, которого Шатов видит впервые в жизни и который, тем не менее, зачем-то не только спасает жизнь Шатову, но и убивает двух человек при этом.

Таких альтруистов на свете не бывает. Не бывает. Они просто не могут существовать. Они должны вымирать, так рискуя из-за совершенно посторонних людей.

Машина остановилась.

Арсений Ильич переклонился назад, взял с заднего сидения свой кейс.

У него там пистолет, мелькнула мысль, так и не ставшая панической. Хотя место очень подходило для того, чтобы вывести Евгения Шатова из машины, поставить его на краю болота и пустить ему в затылок пулю. Из пистолета с глушителем.

И даже вон та пичуга на ветке возле самых камышей не испугается. Хотя, тело, падая в воду, наделает много шуму, так что птичка все равно испугается и улетит. И это могло бы стать единственной эпитафией…

Арсений Ильич достал из кейса пистолет, чуть помедлил, оглянувшись на Шатова. Тот спокойно выдержал взгляд. Не нужно было его сюда везти, чтобы убивать. Достаточно было только не вмешиваться там, в доме.

– У меня к вам просьба, Евгений Сергеевич, – с легкой усмешкой произнес Арсений Ильич, – возьмите, пожалуйста, это орудие преступления.

Шатов сидел неподвижно.

– Аккуратно возьмите, чтобы не осталось ваших драгоценных отпечатков, и бросьте, пожалуйста, его в болото.

Шатов протянул руку.

– У вас есть носовой платок? – осведомился Арсений Ильич.

– Да.

– Тогда лучше возьмите пистолет платком.

– Зачем?

– Вы хорошо знакомы с криминалистикой?

– Не слишком.

– Тогда вы не в курсе, сохраняются ли в воде отпечатки пальцев на металле.

– А что, остаются?

– Это не важно, важно то, что вы могли совершить поступок, последствий которого вы себе не представляете. А вдруг вам не повезет, и пистолет упадет на сухое? Или на поваленное дерево? Болото маленькое, но очень топкое. Вы не сможете добраться на его середину и повторить попытку, – Арсений Ильич качнул пистолет, держа его за скобу на сгибе мизинца, – возьмите аккуратно платочком и выбросьте в воду. Не нужно даже далеко от берега. Тут трясины метров шесть, я мерил.

Шатов достал из кармана брюк платок. Застонал – ребро ему, похоже, все-таки сломали. Принял пистолет.

От оружия пахло смазкой и порохом.

Болото маленькое, топкий круг метров сорок в диаметре, поросший травой и камышом. Тусклая, заляпанная ряской поверхность была в нескольких местах проткнута стволами мертвых деревьев. Несколько поросших мхом древесных туш драконами тянулись из болота на берег.

Шатов передернул плечами, хотя было душно и влажно. Звенели комары. Несколько их ударилось в лицо Шатова.

Пистолет звонко булькнул, запустив по болоту круги. Шатов оглянулся на птичку. Сидит. Такой звук ее не испугал.

– Поехали, – окликнул Шатова Арсений Ильич.

– Сейчас, – Шатов запрокинул голову.

Небо было видно в круглый промежуток между дубов. По выгоревшему до стального цвета небу ползли не торопясь бледные облака. Шатову показалось, что это в небе отражается болото. Потом вдруг пришла мысль, что это он смотрит со дна этого самого болота, пытаясь рассмотреть, что там, за зеркалом…

– У нас мало времени, – напомнил Арсений Ильич.

Шатов сел в машину и молчал до тех пор, пока через полчаса петляния между деревьев она не остановилась возле небольшого двухэтажного дома.

– Приехали? – спросил Шатов.

– Да, выходите, – Арсений Ильич вышел из машины, не запирая салон, легко поднялся по деревянным ступеням крыльца, открыл замок. – Чувствовать себя как дома не предлагаю. Располагаться поудобнее – тоже.

– Вы свой кейс забыли, – автоматически напомнил Шатов.

– Ничего, никто его не тронет. Здесь очень глухие места. До ближайшего населенного пункта, деревни Хвостовка, более десяти километров. Но дороги к Хвостовке здесь нет – болота. Если честно, то я здесь за последние пять лет не видел ни одной живой души. Не стесняйтесь, проходите.

Дом стоял на взгорке, от него до деревьев было метров двадцать. Шатов осмотрелся. Провода. Из леса к дому тянулись провода. Перед домом не было колодца. Может быть, он за домом или неподалеку в лесу.

Да какая, собственно, разница?

Шатов поднялся на крыльцо. Возле самого порога остановился, спустился вниз и внимательнее посмотрел на окна.

Стекла отливали сизым, рамы были металлическими. Похоже, что в такой глухомани хозяин все же не поленился поставить пуленепробиваемые стекла. И двери…

Шатов снова поднялся на крыльцо и присмотрелся к двери. Бронированная. У богатых свои причуды.

Почти весь первый этаж занимало нечто вроде зала, с камином, низким диваном и тяжелым на вид столом посредине. На стене висели головы дикого кабана и лося. И несколько ружей.

Как в кино, поморщился Шатов, охотничий домик миллионера. В правом дальнем углу была винтовая деревянная лестница, слева – дверь.

Арсений Ильич расположился в кресле за обеденным столом.

– Прошу, – широким жестом он указал на диван, – уже успели осмотреться?

– Немного, – коротко ответил Шатов, усаживаясь на диван, слишком низкий и слишком мягкий для того, чтобы быть удобным.

– Ваше впечатление о хозяине?

– У меня очень болит… – Шатов осекся, – у меня болит все тело.

– Кроме лица! – напомнил хозяин.

– Зато дико болит голова.

– Сегодня магнитные бури, – сочувственно кивнул Арсений Ильич, – но мы сюда приехали не для того, чтобы это обсуждать.

– А для чего же?

– Я привез вас для того, чтобы иметь возможность на время спасти вам жизнь. Благодарностей, напоминаю, не нужно.

– А еще вы хотели получить от меня какую-то выгоду, – Шатов поморщился, массируя затылок. – А почему на время?

– Хороший вопрос, – Арсений Ильич откинулся на спинку кресла, – очень хороший, но немного несвоевременный. Я обязательно на него отвечу, но чуть позже. Вы постарайтесь сейчас напрячься и построить свои вопросы правильно. Представьте себе, что вы берете у меня интервью…

– Представьте себе, что это вы у меня берете. Подсказать что именно?

– Вот видите, – Арсений Ильич удовлетворенно улыбнулся, – еще недавно я спас вам жизнь, вы даже изволили по этому поводу впасть в истерику возле трассы. Вы даже, Евгений Сергеевич, порывались меня благодарить… И вот теперь – неприкрытое хамство. Отсюда я делаю вывод, что совершенно правильно просчитал ваш характер и намеченный мною план наших взаимоотношений – единственно верный.

– Вы можете строить какие угодно планы, но если вы считаете, что теперь я ваш раб навеки… – голова болела все сильнее, и Шатов с трудом сдерживался, чтобы не застонать. – Дайте воды!

– Не дам.

Шатов несколько удивленно взглянул на хозяина дома:

– У вас что, нет воды?

– Для вас – нет.

Лицо Арсения Ильича окаменело, глаза словно растворились в глазницах. Шевелились только губы – темное пульсирующее пятно на бледном лице.

– Вы еще не совсем поняли свое положение и наши взаимоотношения, – Арсений Ильич чуть наклонился к столу, – я вам объясню.

– А если я не стану вас слушать?

– А у вас нет выбора, – в тон Шатову ответил хозяин. – Если вы не будете выполнять моих приказов…

– Приказов?

– Именно приказов. Приказов, Евгений Сергеевич. Если вы не будете выполнять моих приказов, – повторил Арсений Ильич, – вы умрете меньше чем через двенадцать часов. Я

не уверен, что это будет перерезанное горло, но смерть наступит обязательно. И не самая легкая. Вы разозлили господина Васильева только своим покушением на его благосостояние, а теперь вы еще и убили двух его наемных работников.

– Вы…

– Нет, милый господин Шатов, этих двух красавцев убили именно вы. Это за вами они гонялись целый день. Это вас они искали в редакции так настойчиво, что сломали челюсть охраннику. Максу, кажется? – Арсений Ильич погрозил пальцем, – Вы не испытываете угрызений совести по этому поводу? Вы ведь подставили бедного Макса. Он ведь вас пытался прикрыть.

– Я…

– Вы. Теперь, когда тела будут обнаружены, заказчику станет понятно, что вы гораздо опаснее, чем ему казалось, и вас начнут искать гораздо активнее. А сумма вознаграждения за ваше… гм-м… устранение, будет увеличена. И, кстати, молитесь, чтобы никто не догадался после обнаружения трупов выяснять, зачем это они вас искали в редакции газеты «Новости». Как вы это объясните в правоохранительных органах?

– Я скажу…

– Вы скажете, что это я убил тех двоих? И что? Вам поверят? Может быть, ко мне даже приедут сюда. И зададут, очень вежливо, несколько вопросов. И все. У меня не было повода убивать тех двоих. А у вас – был. И еще какой! Вы боролись за свою жизнь.

Шатов встал с дивана.

– Сядьте, – приказал Арсений Ильич.

Шатов медленно двинулся к выходу.

– Я сказал – сядьте. Я могу вас спасти.

Спасти, подумал Шатов, его может спасти этот странный человек, ведущий себя так, будто все действительно находиться у него в руках. Он слишком спокоен. И слишком уверен.

– У меня есть средства заставить Васильева прекратить погоню за вами при условии, естественно, что вы прекратите под него копать. Садитесь на диван.

Шатов помедлил.

– Садитесь, – повысил голос Арсений Ильич, – вы и так уже стоили мне и денег и усилий.

Шатов вернулся в кресло.

– Вы, Евгений Сергеевич, наверняка задаете себе вопрос, кто именно этот неприятный тип, затащивший вас в эту глухомань. Задаете?

– Да… – тихо ответил Шатов.

– Не слышу.

– Да, – громче сказал Шатов.

– Не слышу!

– Да, да, задаю я этот идиотский вопрос и все другие идиотские вопросы, которые вы хотите от меня услышать. Кто он, зачем меня спас, чего тянет жилы сейчас, что ему от меня нужно… Я что-то забыл?

– В общем – все точно. Круг очерчен верно, – Арсений Ильич похлопал ладонью по столу. – Я, пожалуй, отвечу на них. Пожалуй…

Арсений Ильич встал из-за стола и прошелся по комнате. Шатов не провожал его взглядом, глядя неподвижно в глаза чучела дикого кабана. Он слышал только легкие шаги, скрип половиц, голос. И пытался понять то, что говорит этот голос.

– Я очень любопытный человек. Кто-то, заработав немного денег, пускается в загул, кто-то втягивается в бизнес и не может думать ни о чем, кроме процесса. Некоторые отправляются путешествовать или даже эмигрируют… У меня другое хобби… – Арсений Ильич вернулся к столу, – я собираю информацию.

– Шантаж? – непроизвольно вырвалось у Шатова.

Это действительно многое объяснило бы. Очень многое. И то, как Арсений Ильич узнал о Васильеве, и то, как смог…

– Нет, не шантаж. Причем здесь это? Это неинтересно, хотя иногда полезно. Я рассматриваю всех вас… – Арсений Ильич сделал паузу, будто ожидая вопроса, но не дождался и продолжил свой монолог, – как обитателей джунглей. Банально?

– Что банально? – не понял Шатов.

– Сравнение с джунглями – банально?

– Более чем.

– И, тем не менее, точно. Джунгли. Экваториальный лес, если хотите, мангровые заросли. Тайга. И в этих дебрях копошится жизнь. Какая угодно – ползающая, летающая, прыгающая – любая. Одно общее – все жрут. Все хотят захапать как можно больше и слопать ближнего своего. Ухватить зазевавшегося и похрустеть его косточками в укромном уголке.

А если у кого не хватит сил сломать позвоночник жертве в одиночку, тот сбивается в стаи. А у кого не хватает сил или ума удержаться в стае, тот будет ползать вокруг трупа, чтобы отщипнуть немного мертвечинки.

– Можно ближе к делу? – не выдержал Шатов.

– А это и так – максимально близко к делу. Ближе не бывает. Пока вы все живете столь увлекательной жизнью, пытаясь сделать для себя исключение в законе джунглей, я наблюдаю за вами. Отслеживаю пути миграции, выявляю лежбища и берлоги. Определяю охотничьи угодья. Некоторых особей я помечаю, делаю контрольными. И более подробно выясняю их взаимоотношения с окружающими.

– Зоолог…

– Можно сказать и так.

– Скоро выпустите энциклопедию? «Жизнь людей»?

– Нет, – с каким-то сожалением сказал Арсений Ильич, – эта информация только для меня. Я испытываю удовольствие не от того, что информацию использую. Мне приятно обладать ею. Знать, куда ползет этот или другой гад, и кого переваривает этот удав.

– Нет желания насаживать на булавочку? – ехидно спросил Шатов.

Арсений Ильич быстро взглянул на него, лицо не дрогнуло, только чуть искривились губы:

– Нет. И чучела делать из них тоже нет ни малейшего желания. Эти двое сегодня… Они угрожали тому животному, которое я решил приручить. Сделать своей гончей. Вы хотите быть гончей?

– Нет, не хочу. И не буду.

– По первой позиции – может быть. Может быть, вы действительно не хотите бить моей гончей, но будете. Будете. У вас уже не получиться тихонько шнырять среди трупов и лакомиться выпавшим из пасти более крупных хищников. На вас уже обратили внимание. И вам либо придется менять место жительства, либо прибиваться к новому хозяину, либо подыхать… Уважаемый Евгений Сергеевич, – после небольшой паузы добавил Арсений Ильич. – Не нужно сейчас взбрыкивать и демонстрировать свою независимость.

Шатов кивнул.

В конце концов, ничто не мешает ему просто дослушать все сказанное и поступить так, как захочет сам Шатов. Что бы там ни говорил этот зоолог.

– Не волнуйтесь, – сказал Шатов, – я вас перебивать не буду.

– Зверек решил принюхаться, – засмеялся Арсений Ильич.

– Называйте это как хотите.

– Спасибо за разрешение. Так вот, я смог так наладить свою систему, что информация поступает ко мне бесперебойно, а большинство животных, информацию для меня выкапы-

вающих, даже не подозревают, на кого работают. А недавно я сделал открытие… Знаете, какое?

– Не знаю.

– Мне вдруг стало интересно заставить обитателей этих джунглей подчиняться не своим инстинктам, а моей воле. Что скажете?

– Ничего. Я слушаю.

– Не рычите, любезный, – Арсений Ильич произнес это серьезно, с нажимом.

Шатов собрался было ответить, но сдержался.

– Возможно, я себе льщу, но на сегодняшний день я самый информированный человек в городе. Я знаю о его обитателях такое, что любого другого могло бы свести с ума или отправить в могилу. Все это у меня запротоколировано, снабжено бирочками и фотографиями. Я знал все, – Арсений Ильич сделал паузу.

Шатов вначале кивнул, молча. Потом насторожился и обернулся к Арсению Ильичу:

– Знали? В прошедшем времени? Как же это вы так?

– Да вот так! В моем заповеднике вдруг произошло нечто такое, чего я не смог понять и объяснить…

– И одна бирочка осталась без применения.

– Нет, это на кое-что у меня не нашлось бирочки. Обидно. Меня только коллекционер может понять, тот, кто собрал, наконец, полную коллекцию и вдруг обнаружил, что просто не может себе представить куда именно, к какому разделу отнести новое поступление. Тут поневоле начинаешь чувствовать себя профаном. А это, согласитесь, не самое лучшее ощущение.

– И вы решили обратиться к профессионалу…

– Это к вам, что ли?

– А разве нет?

Арсений Ильич дернул щекой, словно сгоняя с лица комара:

– Вы не смогли утаить даже статью о дрожжевом заводе. Какой вы профессионал? Максимум, что вы можете сделать, это распутать след. И только в том случае, когда вас предварительно ткнут в него носом.

– Тогда почему же я?

– Не обязательно вы. Мне нужен был человек, имеющий связи в органах внутренних дел, но не милиционер. Одинокий, но контактный. Нуждающийся в защите, но не полный дебил. Ну, и еще много разных критериев. Вы оказались первым, кто набрал нужное количество баллов и пришел в необходимое состояние. И я могу вас заставить раскопать нужную мне информацию.

– Вы в этом твердо уверены? – Шатов лихорадочно пытался все это время найти выход, дыру в тех логических построениях, которые воздвигал вокруг него Арсений Ильич, но пока что-то не получалось.

Оставалось только создавать видимость уверенности в себе.

– Я в этом совершенно уверен. У меня для вас есть и кнут и пряник. А это срабатывало всегда. Вам с чего начать изложение, с кнута или пряника?

– С пряника.

– Пряник громадный. Просто гигантский. Если вы выполняете мое задание, то вас оставляют в покое. Честно. Я вам уже это говорил и могу поклясться. Послушная гончая вернется к себе в будку живой и почти невредимой.

– Непослушная?

– Не вернется вообще. В этом заключается кнут. Но не только в этом. Кнут в моем восприятии – это не средство запугивания или наказания. Это средство ускорения. Так вот, условия вашей работы будут следующими – вы получаете от меня задание. Я даже не буду

ограничивать время, за которое вы его обязаны выполнить. Решайте сами. У вас, кстати, отпуск на сколько дней?

– Две недели.

– Я думаю, что вам лучше всего будет уложиться именно в эти две недели. Иначе возникнут трудности на работе. Но, опять-таки, я не подгоняю. Просто вам придется одновременно искать, то, что прикажу я и прятаться от людей Васильева. С вашего хвоста я его сниму только после того, как все разузнаете. И не раньше.

Шатов задумался.

Арсений Ильич ставит его в жесткие рамки. В очень жесткие рамки. Либо он успеет, либо нет.

– Подождите, как же это я смогу перемещаться по городу, если в любой момент меня могут достать…

– Это ваши проблемы. Если вы решите все мои вопросы за один день – на следующий день вы уже будете в безопасности.

– А если меня найдут раньше?

– А это уже полностью зависит от вас. Я вмешиваться не стану. Хватит. В конце концов, мне не к спеху. Не сможете вы – сможет кто-то другой. Если бы вы знали, сколько разной живности сейчас просто жаждет нарваться на неприятности, из которых только я смогу их выручить. Можете быть либо быстрым и живым, либо… Вы сами понимаете. Кстати, если вы будете слишком пассивны в своих поисках, я могу вас сдать сам, лично. Еще и заработать на этом. Понятно?

– Понятно.

Ему все было понятно. Его держали за горло, и все выглядело так, как будто он не имеет другого выхода, кроме как с лаем броситься по команде «Апорт».

Выходило, что прикажи сейчас Арсений Ильич Шатову вцепиться в чье-то горло, Шатов обязан щелкнуть зубами на чьих-нибудь хрящах. Выход… Найти выход.

Шатов медленно поднял взгляд с пола к лицу Арсения Ильича. Выход…

Хозяин дома словно угадал мысли Шатова:

– Не стоит. Вы сейчас не в лучшей форме. А я свою регулярно поддерживаю. И даже если предположить, что вы просто сбежите не выполнив приказа, то где и сколько вы будете прятаться? Месяц, два… У вас не такие связи, чтобы купить новые документы на новом месте. По причине безденежья вам не светит заграница. И поверьте мне, вас все равно найдут. И убьют. А я вам даю шанс. Вполне реальный.

– Вы меня уговариваете? – тяжело спросил Шатов.

– Никогда. Унижаться до уговоров… Я вам объясняю. И предупреждаю. А потом прикажу.

Он может приказать, понимал Шатов, он может приказать, И Шатову придется выбирать не между гордостью и унижением, а между жизнью и смертью. Очень простой расчет. У него есть шанс выполнить задание, каким бы тяжелым оно ни было, и остаться живым, если…

– А где гарантия, что вы не обманете? Что у вас и вправду есть возможность меня отмазать? Я принесу вам в зубах, помахивая хвостом, то, что вы ищете, а вы вместо этого…

– А никаких гарантий. Совершенно никаких гарантий. Вы должны просто довериться… Стоп, не довериться, а просто выполнять команду, – Арсений Ильич говорил это неприятным голосом.

Он старается оскорбить меня как можно сильнее, подумал Шатов, чтобы не оставалось никаких иллюзий. И чтобы я твердо знал свое место. Гончей. Буду хорошим и послушным – буду жить.

– А вы не боитесь перегнуть палку? – Шатов проговорил это, глядя на свои руки.

Пальцы на руках дрожали, и Шатов не знал от чего: от страха или от ярости. Конечно, он сам виноват, что попал в такое дерьмо. Никто, кроме него. Сейчас нужно просто понять, что важнее всего. Что?

Выжить. Сейчас важнее всего выжить, и эта сволочь… Шатов искоса глянул на Арсения Ильича. Эта сволочь дает ему шанс. Мизерный. Дешевый шанс. Но все-таки реальный. Это потом можно будет разбираться, кто именно так его подставил. Шеф, главный редактор – они свое получат. Потом, а сейчас…

– Я не боюсь перегнуть палку, – сказал, помолчав, Арсений Ильич, – в отношении вас – не боюсь. Потому что вы такое животное, что начнете драться за жизнь только тогда, когда вас окончательно прижмут к стене. И особенно вы эффективны, когда разозлитесь. Вы ведь разозлились?

– Мы разозлились, – ровным голосом сказал Шатов, – мы очень разозлились.

Арсений Ильич засмеялся, смешком коротким, будто отрыжка. Словно насытился уже тем, что Шатов дошел до предела. Сытно пообедал.

– Можно уже переходить к заданию, – угрюмо напомнил Шатов, – ткнуть меня носом в след.

– Не нужно иронизировать, – Арсений Ильич встал с кресла и прошел к буфету, стоявшему у стены, между двумя окнами.

Дверца буфета открылась со скрипом. Потом закрылась. Арсений Ильич подошел к Шатову и протянул ему книгу.

– Библия? Я должен разобраться в том, кто убил Авеля?

– Каин. А вы должны разобраться в другом, – Арсений Ильич отобрал и открыл книгу, достал листок бумаги, лежавший между страниц. – Это список.

– Вижу, – Шатов взял листок.

Восемь строчек, напечатанных на лазерном принтере. Фамилии, имя-отчество, год рождения. Шесть мужчин и две женщины. Ничего особенного. Шатов перечитал список еще раз. Ничего выдающегося и никого знакомого.

– Номер третий и четвертый – муж и жена? – спросил Шатов.

– Муж и жена, – подтвердил Арсений Ильич.

– И что прикажете делать с этим списком?

– Эти восемь человек, – Арсений Ильич заговорил лекторским тоном и стал прохаживаться по комнате, – погибли. Так или иначе. Вернее, семь человек погибли, а один – умер.

– За один день?

– Нет, что за глупости? За один день! – Арсений Ильич даже остановился от такого возмутительного предположения. – Эти восемь смертей произошли в течение трех последних месяцев. Сейчас у нас август. Номер первый, Андрей Мазаев, погиб в автомобильной катастрофе в ночь с третьего на четвертое мая. Номер восьмой, Александр Фроленков, покончил с собой неделю назад, пятого августа. Остальные шесть, как вы понимаете, покинули этот мир в промежутке между четвертым мая и пятого августа этого года. Три убийства, два самоубийства, два несчастных случая и смерть от естественных причин.

Арсений Ильич замолчал, продолжая мерить комнату шагами, от холодного камина до стены с ружьями и обратно. Половицы поскрипывали, но не как обычно скрипят рассохшиеся полы, недовольно и визгливо, а как-то многозначительно и немного задумчиво. Скрип, скрип, скрип… Пауза, когда Арсений Ильич проходит по ковру, брошенному посреди комнаты, снова – скрип, скрип, скрип… Поворот.

– Еще раз спрашиваю, что мне со всем этим делать?

– Вам нужно выяснить, что общего между этими смертями. Вот и все, – Арсений Ильич остановился перед Шатовым, – Вот и все.

– И для того, чтобы узнать это, вы затеяли всю эту сложную комбинацию?

– Надо же с чего-то начинать. Почему не с этого, и почему не с вас? – Арсений Ильич улыбнулся, потом, словно спохватившись, посмотрел на часы, – О, вам пора, любезнейший. Вам нужно торопиться.

Шатов автоматически взглянул на свои часы – девятнадцать ноль-ноль:

– Куда именно мне нужно торопиться?

– На электричку.

– Вы не сможете меня подбросить до города?

– Извините – нет. Отныне мы с вами будем встречаться только тогда, когда я назначу встречу.

– Вы рискуете не успеть… – предупредил Шатов.

– Это в чем?

– Предположим, что я узнаю что-нибудь интересное, а меня прижмут парни Васильева? И я не успею вас предупредить?

– Как-то вы спокойно говорите о такой неприятной возможности, – сухо заметил Арсений Ильич.

– Начинаю привыкать.

– Не стоит, привычка обычно губит человека. Вы можете привыкнуть лезть не в свои дела… Хотя, к этому вы уже привыкли и начинаете расхлебывать проблемы. Мне придется смириться с такой возможностью, потерять свою гончую в самый последний момент.

Шатов скрипнул зубами.

– Кроме этого, вы будете оставлять на столе квартиры записи того, что делали за день, писать, так сказать, отчеты. И если с вами что-нибудь случится… – Арсений Ильич развел руками, – я смогу стартовать уже не с нуля.

– Если не секрет, кто следующий на очереди? За мной? – Шатов встал с дивана и потянулся.

– Это не ваше дело, – быстро ответил Арсений Ильич, – не ваше дело.

– Как скажите, – согласился Шатов, – а то, что моя квартира может быть под наблюдением, это мое дело?

– Ваше.

– И как же я смогу оставлять на столе отчеты? В квартире, которая под наблюдением?

– А вы и не будете оставлять отчеты в квартире под наблюдением. И, кстати, жить там вы тоже не будете, – Арсений Ильич вынул из кармана связку ключей и бросил Шатову.

Бросил резко, в лицо, но Шатов отреагировать успел. Связка больно ударила в ладонь. Шатов подбросил ключи на руке:

– Это от чего?

– Это от квартиры…

– Где деньги лежат, – подхватил Шатов.

– И деньги тоже. В квартире вас будет ждать некоторая сумма на расходы, но за ее трату вы также должны будете отчитаться.

– В письменном виде, – усмехнулся устало Шатов.

– В письменном, – подтвердил Арсений Ильич, – если меня отчет не удовлетворит – вы мне эти деньги вернете. Прежде чем я вас сниму с крючка. Особо покутить не рассчитывайте. Хотя, если будет необходимо, с деньгами не церемоньтесь.

– Адрес.

– Да, проспект Индустрии, дом девяносто три, квартира двадцать. Это пятиэтажный дом, однокомнатная квартира на втором этаже. Если спросят соседи – вы ее сняли на месяц у Гольдмана Исаака Яковлевича. Запомните?

– Гольдман Исак Яковлевич, на месяц, проспект Индустрии девяносто три, двадцатая квартира, на втором этаже.

– Хорошо. О мелочах поговорим на дворе, – Арсений Ильич открыл входную дверь и жестом пригласил Шатова на крыльцо.

Тени от деревьев косо лежали на траве, опирались о машину. «Волга», наконец обратил внимание на машину Шатов, двадцать первая.

Арсений Ильич открыл багажник, извлек ведро и старую брезентовую штормовку:

– Это вам.

Шатов взял штормовку, взвесил на руке:

– Зачем?

– А что вы делали в лесу? – поинтересовался Арсений Ильич.

– И что я делал в лесу?

– Вы собирали грибы.

Шатов заглянул в ведро и обнаружил там десятка полтора белых грибов.

– Вам не кажется, что вы немного переигрываете? – поинтересовался Шатов.

– Не кажется. Я не хочу, чтобы вы выделялись в толпе пассажиров электрички. Можно было бы, конечно, дать вам пару ведер и рюкзак с помидорами, но на огородника вы похожи еще меньше, чем на грибника. Берите и идите, вам еще нужно пройти около десяти километров до железной дороги. Полустанок «Триста первый километр».

– А ближе чего-нибудь нет?

– Боитесь перетрудиться?

– Боюсь заблудиться.

Арсений Ильич задержал на секунду дыхание, потом выдохнул, демонстрируя раздумья:

– Можно и ближе. По вот этой тропинке километра три-четыре до просеки. Там направо и еще через пару километров будет трасса. Там есть шанс сесть на попутку.

– Вы не возражаете?

– Нет. Думаю, что здесь вас пока еще не ищут.

– Я пошел?

– Еще одно, – Арсений Ильич остановил Шатова жестом, – на связке, которую я вам дал – три ключа. Два больших – от двери. Третий – от почтового ящика. Он справа от входа на первом этаже. Всякий раз, заходя в подъезд, вы вначале открываете почтовый ящик…

– В ожидании писем от вас?

– И по этой причине тоже. Кроме этого, в ящике, на стене, вы увидите небольшой светодиод. Если он не светится – все нормально. Если горит – немедленно уходите из дома, в квартиру кто-то проник.

– Я ведь тоже буду туда проникать, – напомнил Шатов.

– Только вы каждый раз будете нажимать кнопку на бра, висящем в прихожей. Пришли – нажали. Уходите – снова нажали. Только не спутайте. Не выключатель на бра, а кнопку, точно под абажуром. Запомните?

– Кнопка под абажуром, светодиод, почтовый ящик, квартира двадцать, второй этаж дома девяносто три на проспекте Индустрии, – терпеливо повторил Шатов, подхватил ведро и двинулся по указанной тропинке, не оборачиваясь.

– До свидания, – крикнул ему вдогонку Арсений Ильич.

Шатов не удержался от соблазна. Молча поднял над головой правую руку, сжатую в кулак и медленно разогнул средний палец.

Глава 3

Нужно выбираться. В лесу темнеет быстро. Очень хотелось зашвырнуть ведро куда подальше, но пришлось себя сдержать. Это все нервы. Все нервы и вибрация психики. И это ведро, и пахнущая сыростью штормовка – все это ерунда. Так, мелочи. Вряд ли Арсений действительно так уж заботится о его маскировке. Просто он еще раз хотел продемонстрировать…

Да какое ему дело до того, что хотел продемонстрировать этот прыщ!

Джунгли, мангровые заросли! Животные, копошащиеся под его микроскопом! Он может называть Шатова как угодно. Он может себя именовать как ему заблагорассудится. Это его право. Все это только мишура. Словесная мишура. Все корчат из себя бог знает что, пытаются завернуться в словеса, как в подарочную бумагу, и преподнести себя миру как нечто уникальное и ценное.

Арсений ловит кайф от того, что много знает о жрущих и копошащихся? Дрочит на свои папки с компроматом или на клавиатуру своего компьютера? Или у него просто нет аппетита, пока он вместо аперитива не примет историю о чьем-нибудь грешке или не подклеит в свой альбом чью-нибудь смерть.

Люди умудряются получать удовольствие от самых странных и необычных вещей и поступков. На то они и люди.

Здесь важно не это. Нужно отбросить все лишнее, отвлекающее внимание и эмоциональное. И оставить только то, что действительно значимо и важно.

Шатова наняли на работу. И предложили гонорар. И это главное. Гонорар очень высок. Очень-очень высок. И работа рискованная. Только и всего.

Нужно не психовать, а просто сделать то, что умеешь хорошо делать. Напрячься, плюнуть на эмоции…

Только помнить, что в любую секунду из толпы или из темноты может вдруг появиться некто, и твоя жизнь, Жека, вдруг прервется. Как уже могла прерваться. Как прервалась у тех двоих в доме.

Он назвал меня животным? Гончей? Ну и что? Он просто произнес вслух то, что наверняка думали другие, предлагающие деньги за мелкую услугу. Упомянуть в статье кафе? Не разносить в фельетоне чиновника? Да он же неоднократно делал это, делал и не чувствовал себя ни животным, ни продажным. Это бизнес.

И сейчас он получил новое задание. Его наняли, чтобы выяснить, что именно общего в восьми никак внешне друг с другом не связанных смертях. Три убийства, два самоубийства, два несчастных случая и одна смерть от естественных причин. Последний в списке Александр Фроленков, если не ошибаюсь.

Всего неделю назад он покончил жизнь самоубийством.

Шатов остановился, вынул из кармана список. Номер восемь. На момент смерти было Александру Игнатьевичу Фроленкову двадцать два года. Замечательно.

Самоубийство в двадцать два года, это круто. И это одновременно пошло. Из-за несчастной любви, из-за долгов. Обкурился, в конце концов, и перестал обращать внимание на земное притяжение. Отчего люди не летают? Или как там у классика? И хрясь головой об асфальт.

Придется начинать с него. С этого летчика.

Шатов снова сунул листок бумаги в карман, прошел несколько метров и остановился. Отчего это он решил, что Фроленков выбросился в окно? А почему не повесился? Почему не утопился? Поаккуратнее нужно с воображением. Так можно не выполнить задания и уме-

реть. Ведь пообещал Арсений сдать Шатова, если что. И такое обещание он выполнит наверняка.

… К дому девяносто три Шатов попал к десяти. К двадцати двум. Во дворе между пятиэтажками народу не было. Шатов оглянулся по сторонам. Это понемногу становится у него привычкой – оглядываться по сторонам. Нужно проследить, чтобы это не выглядело слишком подозрительно. Нужно научить себя оглядываться осторожно, мельком, а не вести себя как идиот из плохого боевика.

Светодиод не горел.

Замки открылись легко, Шатов вошел в прихожую и нащупал справа от двери бра. Включил. Потом наклонился, отыскал взглядом под абажуром кнопку, крохотную, неприметную. Нажал.

Обряд выполнен. Теперь можно и осмотреться.

Прямо дверь на кухню, вправо – в комнату, налево, видимо, туалет совмещенный с ванной комнатой.

Шатов постоял нерешительно. Обнаружил на полке под вешалкой стоптанные серые от времени шлепанцы. Усмехнулся, снял туфли и надел тапочки. Повесил на крючок штормовку.

Сейчас нужно принять душ и надеть что-нибудь чистое, подумал Шатов и сплюнул, сообразив, что никакой одежды и чистого сменного белья у него с собой нет. Как и еды.

Дверь в комнату открылась бесшумно, от легкого толчка. Выключатель должен быть где-то слева от двери. Шатов пошарил по стене рукой на уровне своего плеча. Потом ниже.

Зажглась люстра.

– М-да, – протянул Шатов, рассматривая комнату, – это не Рио-де-Жанейро.

Посреди комнаты стояла кровать. Старая металлическая кровать с провисшей сеткой и никелированными шариками по краям спинок. Возле окна, задернутого плотными шторами находились белый стол из какого-то допотопного кухонного гарнитура и родственный ему табурет.

На кровати был матрац, подушка в дырявой наволочке и армейское одеяло с тремя полосками поперек.

Жухлые обои, засиженная мухами люстра на три изогнутых плафона, из которых светился только один, да и тот свечей на сорок, не больше.

– Это не Рио-де-Жанейро, – повторил Шатов, – это значительно хуже.

Хотя, чего именно он ожидал? Апартаментов?

Оставив кухню на потом, Шатов вошел в ванную.

Тусклая, когда-то белая плитка, унитаз в метре от чугунной ванны, зеркало над умывальником и газовая колонка. На полке под зеркалом – кусок самого дешевого туалетного мыла, зубная щетка в граненом стакане и тюбик отечественной зубной пасты.

Шатов огляделся и обнаружил рулончик туалетной бумаги. Он ожидал чего-нибудь вроде драной газеты на гвозде.

Зато вода из крана текла. И на крючке возле ванны имелось простенькое вафельное полотенце, с каким-то странным рыжим иероглифом в углу. На газовой колонке нашелся коробок спичек. Шатов открыл кран над ванной, зажег газовую горелку.

Давненько он не принимал горячего душа. Есть в старых домах свои преимущества.

Шатов мылся долго, несколько раз намыливал голову, тщательно терся обнаруженной на краю ванны мочалкой. Тщательно терся в тех местах, где не было повреждений и синяков. Двигаться было больно.

А ему еще предстоит спать.

Хотя сможет ли он сегодня уснуть – это большой вопрос. Очень большой вопрос. Шатов автоматически перекрыл кран, но спохватился вовремя, закрыл еще и кран на колонке. Не хватало спалить колонку.

Одеваться в пропотевшее Шатову не хотелось, поэтому, вытершись, он прошел на кухню нагишом. И там обстановка не поражала обилием.

Кухонный стол, сушка для посуды, снова один табурет, чашка, вилка, ложка, глубокая и мелкая тарелки. Черпак с обломленной почти у самого основания ручкой.

На печке стоял чайник, сковорода и небольшая кастрюля.

В углу дребезжал холодильник. Старый «ЗИЛ» с облупившейся краской на дверце и боках. На гвозде над холодильником весела связка сушек.

Шатов усмехнулся.

У Арсения странное чувство юмора, хотя в последовательности ему не откажешь. Только самое необходимое. Чтобы жизнь вдруг не понравилась его гончей.

Хотя… Шатов распахнул дверцу холодильника. Консервы. Слава богу, не собачьи. Килька в томате. Килька в томате. Шатов присел перед холодильником. Двадцать пять банок кильки в томате, десять банок фасоли, две пачки маргарина и, как в насмешку, бутылка шампанского.

– Гадом буду, – громко сказал Шатов, закрывая холодильник, – что в доме нет ни консервного ножа, ни вообще чего-то режущего.

Словно в ответ из ванной подал голос телефон, оставленный в брюках.

– Да!

– Добрались нормально?

– Вашими молитвами, – Шатов постарался обильно сдобрить свой ответ сарказмом.

– Это хорошо. Кстати, консервный нож лежит в ящике кухонного стола. Там же соль, сахар и спички.

– Премного вам благодарен, – снова съязвил Шатов, а Арсений Ильич снова проигнорировал его интонации.

– Зарядное устройство для мобильного телефона лежит под подушкой на кровати. Не забудьте подзарядить телефон.

– Хорошо.

– Вы уже в кладовую заглядывали? – поинтересовался Арсений Ильич. – Еще нет?

– В кладовую? – Шатов огляделся и увидел дверцу небольшой кладовой. – А что я там не видел?

– Посмотрите.

В узкое пространство кладовой были втиснуты две сумки, в который Шатов сразу узнал свои.

– После вашего поспешного ухода из дому, я позволил себе заехать и привезти вам вещи. Утюг там же, в кладовке, под сумками. Нашли?

Шатов выматерился.

– Не нужно так нервничать, вам ведь все равно пришлось бы что-то придумывать с одеждой.

– Ужасно вам признателен.

– Не стоит благодарностей. Постарайтесь отдохнуть. Надеюсь, у вас завтра будет много работы.

Шатов не успел ничего ответить, Арсений Ильич отключился.

Какая сволочь! Какая сволочь. Шатов вытащил из кладовой сумки, расстегнул на них молнии. Рубашки и брюки были втиснуты в сумки вперемешку с носками и бельем.

Скотина.

Там же была чистая простыня. Шатов извлек ее и отправился застилать постель.

Все это ерунда. Ерунда. Нужно сосредоточиться на главном.

Шатов чуть не уронил зарядное устройство на пол, вовремя успел его подхватить, подключил к телефону и воткнул в розетку.

Блин.

На полу, возле батареи, лежал потертый плюшевый коврик. На таких обычно спят собаки средних размеров. Там же стояла миска из тусклого алюминия. А на миске, рассыпанные веером, лежали деньги.

Шатов осторожно, чтобы не опрокинуться навзничь, сел на край кровати. Арсений явно переигрывал в своем желании унизить и оскорбить. Слишком нарочито было все, произошедшее сегодня. Слишком старался Арсений в выборе оскорблений и режиссировании унизительных ситуаций. В результате у Шатова в душе не было ни миллиграмма благодарности к человеку, спасшему, как бы там ни было, ему сегодня жизнь.

Ни миллиграмма, ни миллиметра. Только холодная ненависть и желание поскорее покончить с этой нелепой и страшной ситуацией. Выжить. Просто взять и выжить. Если для этого нужно ползать на брюхе – пожалуйста. Нужно жрать дерьмо – с удовольствием. Мы, если задуматься, делаем это регулярно с куда меньшими целями.

Сейчас нужно просто уснуть, а завтра… Утро вечера мудренее. Шатова эта присказка обычно раздражала своей неправильностью. Не потому, что с утра может болеть голова или еще чего. Мудреный – значит сложный, непонятный, запутанный. Радоваться утренней запутанности и сложности может только человек, склонный к мазохизму. Это к вопросу о загадочной славянской душе.

Нужно просто поспать, чтобы перечеркнуть все сегодняшние неувязки и стрессы. И утром начать жить заново. Древние утверждали, что сон – это маленькая смерть. Посему, проснувшись, мы начинаем жить заново. Все наши грехи списываются. У нас появляется шанс.

Итак, спать.

Шатов встал с кровати, подошел к выключателю на стене и замер. Спать не хотелось совершенно. То есть напрочь. Не хотел его организм уходить в маленькую смерть. Его еще не оставило предчувствие смерти большой, окончательной.

Так он может заполучить боязнь одиночества и манию преследования. И страх темноты. Шатов попытался себя заставить выключить свет и с ужасом понял, что не может. Не получается у него простое действие – передвинуть кусочек пластмассы из одного положения в другое.

Словно он приставил к виску пистолет и теперь пытается собрать в себе силы нажать на спусковой крючок. Он просто не может остаться один на один с собой и своими страхами.

Шатов убрал руку от выключателя.

Вот когда начались настоящие унижения. Арсений с его оскорблениями – просто ребенок. Он никогда не сможет заставить Шатова так ненавидеть себя самого, как это делает элементарная трусость.

Нет, он… А что он? Что, собственно, нет? Не можешь спать в темноте – ложись спать при свете. Шатов подошел к кровати. А если ему страшно просто закрыть глаза? Если ему точно известно, что в темноте к нему придут Васек и Мирон, чтобы закончить свое дело? Просто лежать и пялиться в потолок, отгоняя мысли и воспоминания.

Лучше уж заняться чем-нибудь.

Не физической работой, не отжиманиями на полу или глажением одежды. Нужно подумать. Настроиться на завтра. Прикинуть, где может быть нужная информация.

Прежде чем он найдет нечто, объединяющее все эти смерти, он должен найти всю информацию об этих смертях. На этот момент у него есть только список из восьми фамилий

и информация о характере смерти двоих. Некто Мазаев погиб в автокатастрофе, а Фроленков наложил на себя руки.

Шатов сел на холодный табурет возле стола. Выдвинул ящик и обнаружил там запечатанную пачку писчей бумаги на пятьсот листов, набор фломастеров, ручки, кнопки, скрепки, клей, скотч и ножницы. И еще массу всякого канцелярского хлама. Тут Арсений Ильич не экономил. Тут он словно демонстрировал Шатову свою заинтересованность.

Шатов распечатал пачку бумаги, достал фломастеры.

Андрей Павлович Мазаев, сорок три года, автокатастрофа.

Александр Игнатьевич Фроленков, двадцать два года, самоубийство.

Егор Исаевич Чупин, пятьдесят лет.

Татьяна Игоревна Воеводина, тридцать лет.

Борис Валериевич Шпигель, двадцать восемь лет.

Надежда Борисовна Шпигель, двадцать девять лет.

Константин Аркадьевич Башкиров, тридцать четыре года.

Николай Станиславович Каневецкий, сорок семь лет.

Скудная информация. До предела скудная. Эта сволочь могла дать и более полную информацию. Не может быть, чтобы он сам, всеведущий и всезнающий Арсений Ильич не раскопал хотя бы адреса. И еще причины смерти.

Как там у нас, еще раз вспомнил Шатов, три убийства, два самоубийства, два несчастных случая и смерть от естественных причин. Интересно, кстати, какие причины можно считать естественными? И для кого?

Обожрался? Утонул в ванной? В ванной – несчастный случай. Перепил?

Или для уголовника естественным является нарваться на пулю? Тогда два гада на втором этаже заброшенной пятиэтажки, умерли самой естественной смертью.

И кто из списка умер какой смертью?

Убийства нужно искать в ментовских сводках, там же самоубийства и несчастные случаи. А смерть от естественных причин… Естественного покойника можно вычислить методом исключения.

Значит, завтра Шатову выпадает дальняя дорога в казенный дом за сводками. И как него посмотрят в Центре общественных связей областного управления министерства внутренних дел, если он попросит информацию за три последних месяца? Они и за последнюю неделю стараются информацию не давать.

Регулярность получения сводок стоит Шатову нервов и регулярных подарков мальчикам и девочкам из ЦОСа. Хранят ли они сводки? И как долго они их хранят?

Слишком много вопросов. Слишком много. У Шатова не так много времени, чтобы делать холостые выстрелы. Если мы не хотим терять времени даром, если мы хотим получить информацию быстро, если мы хотим получить информацию полную и если мы имеем деньги, чтобы за нее заплатить, то нам нужно посетить Васю-некрофила.

Шатов оглянулся на миску с деньгами. Нормально-нормально. Денег хватит. И Арсений Ильич не сможет сказать, что потрачены они впустую. И что самое главное, Васю можно дергать в любое время суток.

Никто и никогда не смог застать Васю спящим. Хотя, если быть честным, Васю вообще мало кто видел. Вася несколько последних лет предпочитал не выходить из своей берлоги и не особенно расширять круг своего общения. У него было увлечение, хобби, тайная страсть, которая одновременно была и источником его доходов.

Шатов прикрыл глаза, вспоминая Васин телефон. Последние цифры он всегда путал. Сорок два или двадцать четыре? Если ошибиться, то трубку берет какой-то старик, и в таких случаях Шатову бывало даже неловко. Вася отвечает на звонки только после захода солнца. И чем ближе к полночи, тем больше шансов застать Васю на месте.

Сорок два. Кажется. Шатов несколько раз пытался запомнить точно, но отчего-то постоянно ошибался. Даже пытался придумать какую-то зацепку для памяти. Двадцать четыре – год смерти Ленина. Тогда – двадцать четыре.

Шатов взял телефон в руки. Точно – двадцать четыре. Он должен был запоминать на чем-нибудь смертельном, на том, что считается Васиной сферой интересов.

Двадцать… Шатов хлопнул себя по лбу и стал набирать телефонный номер заново. Сорок два. Ему тогда показалось забавным проявить свои литературные наклонности, и он попытался поставить маячок в памяти из литературы. У Лавренева – роман «Сорок первый», а у Васи будет сорок второй.

Ждать пришлось минуты две, пока Вася соизволил поднять трубку. Это была еще одна привычка Некрофила, еще одна полоса обороны, чтобы отсеять случайные звонки. Только человек знающий мог столько ждать ответа.

– Да?

– Добрый вечер, Вася, – кашлянув, сказал Шатов.

– Это кто?

– Это Шатов, Женя. Помнишь? Газета «Новости».

– Помню. Пожар на бензоколонке, две фотографии и результаты вскрытия, – Вася своих клиентов запоминал не по именам и местам работы, а по выданной им информации.

Шатову полтора месяца назад Вася-некрофил предоставил фотографии двух обгоревших трупов и копию официального заключения паталого-анатома. Шатову это позволило написать неплохую статью о заказном убийстве. Денег, правда, это стоило тоже неплохих.

– Что тебе нужно, Женя Шатов из «Новостей»?

– К тебе подъехать можно?

– А нахрена?

– Есть разговор…

– Консультация – пятерка зеленью. Деньги вперед независимо от результата.

– Подходит.

– Что-то нужно подготовить к твоему приезду?

– Нет. Приеду – все на месте.

Вася положил трубку, не прощаясь. Он не любил лишних разговоров, они Васю раздражали своей бессмысленностью. А прощаться… Некогда.

Можно ехать, удовлетворенно подумал Шатов. Есть очень большая степень вероятности, что уже через несколько часов информация о восьми покойниках на руках у Шатова.

Шатов еще раз посмотрел на часы. Уж полночь близится…

Ехать в мятом или потном? Почти одинаково неприятно. Правда, ночью измятость не так заметна. Особенно если измята твоя одежда. Зато потная… Давным-давно, одноклассник изрек фразу, которую с тех пор Шатов повторял часто, по разным поводам. Когда мы скрыто потеем, то мы явно воняем.

Ехать придется в мятом.

Васе, в общем-то, наплевать.

Вася все равно – Некрофил.

Именно с большой буквы. И никак не от сексопатологической неприятности. Вася просто коллекционировал информацию о всех проявлениях смерти вообще и информацию о смертях в городе, в частности. Фамилии и имена ушедших из жизни, медицинские заключения, милицейские протоколы, приговоры судов, фотографии, описания, карты, схемы.

Существование Васи придавало некий смысл и пользу деятельности городской трупповозки и морга. Снимок с места преступления или катастрофы Вася покупал, не скупясь, инкогнито источника хранил свято.

А то, что полученную информацию он потом перепродавал журналистам – коллекционеры обычно обмениваются дубликатами в своих коллекциях.

Шатов оделся. Оглянулся по сторонам. Вроде бы все нормально. Сосало под ложечкой. Очень неприятно, но терпеть можно. И не исключено, что сосет не только от страха, но и от голода.

Он ведь действительно не жрал целый день. Позавтракал… От мысли о еде Шатова замутило. Покойники не едят…

А он…

Не покойник, вслух сказал Шатов. Не покойник. Он жив.

«Пока,» – шепнул кто-то в ухо.

– Хрена вам! – почти выкрикнул Шатов.

Он просто жив. Жив и все тут. И у него есть способ остаться в живых. И руки у него вовсе не дрожат. Шатов глянул на пальцы. Почти не дрожат.

И ладони не потные…

Шатов вытер ладони о брюки. Не потные.

Все, если он останется в этой дурацкой квартире, то точно к утру сойдет с ума.

Он ничего не забыл.

Телефон, деньги, ключ от квартиры. Диктофон, на всякий случай. Шатов взял сумку с вещами, вытряхнул их на кровать. Если Арсений Ильич забыл сунуть вместе со шмотками диктофон – это, кроме всего прочего, докажет, что и он не может предусмотреть всего…

Может.

Шатов щелкнул кнопкой. Кассета в диктофоне была чистая.

Теперь – нажать на кнопочку перед выходом из квартиры. И к Васе.

На первом этаже, возле почтового ящика, Шатов притормозил, помялся секунд пять, но не смог преодолеть соблазна. Светодиод не светился.

Естественно, буркнул про себя Шатов, в квартире никого нет. Все ушли к Некрофилу. Хотя идти к нему довольно далеко. Пешая прогулка может занять не меньше часа.

Шатов вышел на край тротуара.

Жарко, липко, безветренно, противно. Прекрасная летняя ночь. Слева с воем пронесся припоздавший троллейбус.

Кто-то из них сильно торопится, водитель домой или троллейбус в стойло. В такое позднее время лучше быть либо дома в постели, либо в веселой компании. А не слоняться по темному городу или стоять на обочине в ожидании попутки, такси и несчастного случая…

Шатов попятился от дороги. Тряхнул головой. Не нужно так психовать. Издалека показались огни.

Легковушка. Иномарка. Не слишком крутая. Можно голосовать.

И «тойота», серое пошарпаное корыто с правым рулем, подчинилась первому взмаху руки.

– Добрый вечер, – сказал водителю Шатов.

– Вечер добрый, – ответил водитель, – далеко путь держим?

– Павловка, сразу за Центром досуга.

– Поехали, – водитель подождал, пока Шатов сядет на переднее сидение, тихо тронул машину с места, – дверцей посильнее, замок заедает.

Шатов хмыкнул и хлопнул дверцей сильнее.

– Что смешного? – поинтересовался водитель.

– Сегодня днем ваш коллега мне за дверцу выволочку устроил.

– Бывает. Ему днем работать. А мне – ночью.

– В смысле? – не понял Шатов.

– Мой металлолом днем никто останавливать не станет. Ночью – это, худо-бедно, иномарка. Днем – ужас и кошмар. Кстати, очень торопимся?

– Это что-то меняет?

– Обязательно, – засмеялся водитель, – едем через центр или по Клыковской, там ментов меньше обычно. Очень торопимся?

– Торопимся, но не очень, – ответил Шатов.

В свет фар попало несколько женских фигур. Одна взмахнула рукой.

Водитель чуть притормозил, и когда дама наклонилась к окошку, молча показал ей фигу. С улицы долетел мат, а водитель удовлетворенно засмеялся и пропел тонким неприятным голосом:

– Мужчина, не хотите удовольствия? Шалавы, блин.

– Могла бы и камнем запустить, – сказал Шатов.

– Могла, – согласился водитель, – потому что на дворе беспредел. Нету порядка. Как животные все. Свиньи, суки, кобели, падальщики…

Его голос стал злым. О наболевшем мужик заговорил. О жгучем…

Шатов передернул плечами. Нечто подобное он уже слышал сегодня. От Арсения Ильича. Звери, лес, падальщики. Только вот себя оба выступающих как-то выделяли из общей массы. У Арсения Ильича спросить как-то не получилось.

– А кто тогда мы? – спросил, не поворачивая голову, Шатов.

– Мы?

– Вы, я…

– Не знаю, кто вы, а я… – водитель сплюнул в окно, – я пока еще вроде человек.

– Среди скотов?

– Среди скотов. Но чувствую, что скоро завою. Или замычу.

– И что хуже?

– Жить так хуже.

– Нет, что хуже – завыть или замычать? – Шатову вдруг стало интересно, что скажет водитель.

– Когда человеком быть перестал – уже все равно, – бросил водитель, – ты и сам не поймешь, что уже перестал быть человеком. Пока понимаешь, что оскотиниваешься – еще нормально, а когда стало всем доволен – пиши пропало.

Шатов хмыкнул.

– Чего смеешься?

– Ничего. Просто так, – Шатов сказал это примирительным тоном, чувствуя, что водитель начинает закипать, – и, тем не менее, если бы был выбор, то кем бы ты стал – коровой или волком?

Водитель промолчал. Поправил зачем-то зеркало заднего вида, переложил с места на место ручку возле лобового стекла. Шатов молча ждал. Водила скажет. Он очень хочет сказать. Просто ему не очень нравится то, что он хочет сказать. Или он просто не уверен, что его слова одобрит слушатель. Или не хотелось очень уж откровенничать с незнакомцем…

– Помнишь, как прошлой зимой в городе Солдат погулял? – внезапно спросил водитель, не оборачиваясь.

Помнит ли Шатов зимний переполох?

Шатов усмехнулся. Это помнили все, кто пережил ту зиму. Девятнадцатилетний дезертир, перестреляв весь караул, сколотил из всякого хлама банду и два месяца отстреливал всяческих урок, деловых, продажных чиновников и скурвившихся ментов. Газеты тогда были вынуждены сотрудничать с Солдатом, перепечатывая его воззвания, ибо те журналисты, которые сотрудничать отказывались, становились мишенью Солдата и его отморозков.

И в методах борьбы за всеобщее наказание уродов Солдат себя не ограничивал. В дело шла взрывчатка, пули, шантаж и изнасилования. И что тогда поразило Шатова, так это очень вялая реакция властей, и восторженный прием солдатового беспредела обывателем.

Когда в Новогоднюю ночь в «Старухе» Солдата и его людей все-таки кто-то перемочил, хоронили героя со товарищи в другом городе и тайно, дабы не спровоцировать, не дай Бог, народных волнений.

– Так помнишь, или тебя не было тогда в городе? – прервал воспоминания Шатова водитель.

– Был.

– Так вспомни тогда, как все эти суки…– водитель сделал неопределенный жест рукой в воздухе, – как они притихли.

– Шалавы?

– И шалавы тоже. Даже менты и те перестали на трассах доить. Просто царство Божие. Тишь да гладь… А потом снова все вернулось на круги своя, – водитель постучал кулаком правой руки по рулю.

– Не стало угрозы, не стало порядка? – уточнил Шатов.

– А что – нет? – водитель притормозил машину и обернулся к Шатову. – Тебе те шалавы нужны?

– Спасибо, обойдусь.

– Точно. Нормальному мужику они не нужны. Нормальный мужик себе бабу всегда найдет и без денег, – удовлетворенно кивнул водитель.

Себя он явно относил к настоящим мужикам.

– И наркота, я так понимаю, тебе без надобности?

– Хватает водки.

– Во, слышу голос мужика. Еще скажи, тебе все эти казино, стриптизы, крутые магазины… Они тебе нужны? Ты ими пользуешься?

– Нет, не пользуюсь. И денег у меня на них не хватит.

– Не в деньгах дело, – оборвал Шатова водитель, – не только в них. Просто нужно всех этих сук, как в Гражданскую, посадить на баржу, вывести на середину реки…

– На нашей не получится.

– Хрен с нашей вонючкой, на север всех вывезти, в Баренцево море, и утопить на хрен. А в следующей барже – наркоманов. А в следующей… – водитель запнулся на секунду, прикидывая, кем заполнить третью баржу.

– Журналистов продажных, – подсказал Шатов.

– Ага, их, сволочей, – легко согласился водитель, – а в четвертую…

– А в четвертую – водил, которые играют в таксистов и государству налогов не платят, – спокойно предложил Шатов и приготовился к взрыву.

– И водил, которые налоги не платят, а ты как думал? Я что, с жиру бешусь, ночью разных уродов катая? Если такой базар начнется, я работу себе найду, не переживай.

– Сук на баржу сгонять?

– Сук. На баржу. И лично эти, кингстоны, открою, чтобы, значит, топить. А ты что, будешь стоять на берегу и плакать? Или драться за них начнешь?

– Не начну, – вздохнул Шатов, – я буду на третьей барже.

– Где? – не понял водитель.

– На третьей барже, там, где продажные журналисты.

Водитель хмыкнул. Потом еще раз. Потом засмеялся. Машина остановилась. Шатов огляделся.

– Приехали, приехали, – успокоил его водитель, – не переживай.

– Мне так часто советуют не переживать, – Шатов отсчитал деньги и протянул их водителю, – что я, пожалуй, в один прекрасный день возьму и не переживу. Тем более, что светит мне путешествие на Север, в морской круиз.

– Не боись, я тебя аккуратно с баржи выпущу.

– И на том спасибо, – Шатов открыл дверцу, хотел выходить из машины, но замешкался, – и все-таки, коровой или волком?

– Коровой не хочу. Лучше уж волком.

– А охотники?

– Ну и хрен с ними, с охотниками. Корову все равно рано или поздно под нож пустят, на котлеты. А волк… Лучше волком, – водитель протянул Шатову руку, – удачи!

– Спасибо на добром слове.

Шатов постоял на месте, глядя, как «тойота» разворачивается и уезжает.

Волком лучше.

Захотелось завыть.

Волком лучше, считает пролетарий баранки и монтировки. А глас народа – глас Божий. Шатову, правда, выбора не оставили. Человек решил, что быть Шатову гончей.

След, Жека, след. Нюхай…

Глава 4

Шатов покрутил головой. Освещением район обитания Васи городские власти не баловали. Улица освещалась светом из окон и огнями трех киосков, выстроившихся вдоль дороги возле автобусной остановки.

Васина берлога находилась в полуподвале старого, еще сталинской постройки дома в глубине микрорайона. Дом окружало нечто вроде остатков парка, изрядно вырубленного и изгаженного. Шатов прошел, аккуратно ставя ноги и тихо чертыхаясь.

Дверь в подъезде была также старая, высокая, массивная и на давно не смазанных петлях. Еще имела место старая пружина, превращавшая процесс открывания дверей в тяжкий труд, причем достаточно опасный. После того, как дверь нехотя открывалась, она имела привычку стараться пришибить неуклюжего прохожего.

Шатов подошел к Васиной двери, обитой старым дерматином. Особого впечатления дверь не производила, как не выглядела и надежным препятствием, но Шатов знал, что за ней стоит вторая дверь, бронированная. Вася любил работать, не опасаясь помех.

Чтобы Вася открыл дверь, нужно было вначале предупредить его о своем визите по телефону и получить разрешение. Потом дважды нажать на кнопку дверного звонка, выждать паузу и нажать еще трижды. После чего Вася подходил к двери и вступал в переговоры.

Шатов выполнил обряд. За дерматиновой дверью что-то стукнуло, и Васин голос поинтересовался, кого именно в такую пору принес черт.

– Это Шатов.

– Сейчас, – сказал Вася, снова что-то громыхнуло, и дверь открылась, – приперся?

– Да.

– Деньги принес?

– По курсу, – Шатов полез в карман и достал заранее отсчитанную сумму.

– Что нужно? – Вася мельком глянул на деньги, но руку за ними не протянул.

– Я войду? – спросил Шатов.

– Обязательно, – кивнул Вася, – потом.

– Не выпендривайся, Некрофил, – Шатов почувствовал, как в груди начинает что-то шевелиться. Словно начинает вибрировать пружина, готовая вот-вот сорваться. Или лопнуть. – Мы договаривались.

– Договаривались, – лениво согласился Вася, почесав в затылке, – просто ты сейчас двинешься за пивом на сумму в пять баксов, а я тем временем начну шукать.

Шатов сунул деньги обратно в карман, достал список:

– Восемь человек в течение трех месяцев.

– Опаньки, – без интонации сказал Вася.

– Что?

– Иди, милый, за пивом, – Вася сделал ударение на втором слоге, как в песне, и почти пропел, – за пивом, за пивом, за пивом…

Шатов демонстративно сплюнул Васе под ноги и двинулся к выходу.

– Слышь, Шатов! – бесцветным голосом сказал Вася, – там осторожно на улице. Местная сявота совсем оборзела, к серьезным людям лезет.

– Угу, – кивнул, не оборачиваясь, Шатов.

– Пиво – светлое, в бутылках.

– Хорошо.

– В дальнем киоске, с Винни-Пухом.

Встреча прошла в Васином стиле. Вася, похоже, получал удовольствие от того, что мог вывести посетителя из себя. Легко. Но все это Некрофилу прощалось.

Шатову выпало снова пройти через парк, разбудить задремавшего киоскера, получить здоровенную полиэтиленовую сумку с бутылками и вернуться назад, к Васе.

Правда, на последнем этапе Шатов убедился, что Вася довольно точно описал ситуацию в микрорайоне. Сявки действительно оборзели.

Шатов уже почти подошел к дому, как откуда-то из-за деревьев послышался смех. Громкий развязный смех. В три или четыре голоса. Что-то там ребятам показалось смешным.

Спокойно, приказал себе Шатов, это просто смеются пацаны. Лет по пятнадцать – шестнадцать. Им весело. Травят себе анекдоты. Веселятся.

– Слышь, мужик, – тень вынырнула из-за дерева и двинулась навстречу к Шатову, посвечивая огоньком сигареты.

Шатов перехватил сумку в левую руку и несколько раз сжал пальцы правой в кулак, разминая.

Спросят который час, или закурить, автоматически подумал Шатов.

– Мужик! – тень качнулась, и Шатов почувствовал запах. Неприятный сладковатый запах.

Это осложняло обстановку. Веселая компания, ночь, глухое место и травка представляли из себя смесь взрывоопасную.

Шатов остановился и аккуратно поставил сумку на землю. Потер ладони. Неожиданно накатило спокойствие. Даже стало зябко. Все нормально, сказал себе Шатов, все – нормально. Главное – не перебить бутылки с пивом.

– Мужик, одолжи денег, – сказал та тень, которая маячила спереди.

Две… Три тени придвинулись справа.

Если у кого-нибудь их этих красавцев найдется нож, то Шатов вполне может завтра к утру стать частью коллекции Васи-Некрофила. А как будут разочарованы Васильев и Арсений Ильич… Шатов почувствовал, что улыбается.

Да что они сегодня, все с цепи сорвались?

– Мужик, бабки гони, – гнусаво протянул кто-то справа.

– Не тяни, мужик, а то порвется, – сказал тот, что стоял спереди, и все засмеялись.

Один из признаков наркотического опьянения – повышенная смешливость. Им сейчас все смешно. Ткнуть ножом – смешно. А как прикольно полезут кишки из распоротого брюха.

– Давай мужик…

Шатов шагнул вперед.

Пружина в груди наконец лопнула, в ушах зазвенело. Шатов зацепил того красавца, что стоял впереди, за одежду и с силой рванул на себя, выставляя вперед колено.

Хотел в пах, но мальчик оказался невысоким, и колено пришлось в солнечное сплетение. Мальчик всхлипнул.

Справа кто-то невнятно крикнул.

– Чтобы не порвалось, – пробормотал Шатов и ударил еще раз.

Справа что-то мелькнуло. Возле самого лица.

– Драться? – поинтересовался Шатов, чувствуя, что мозг захлестывает багровая ярость. – Драться?

Потом все смазалось. Два или три удара Шатов пропустил, но не обратил на это внимания. Рука скользнула по плечу Шатова, он перехватил ее, вывернул и ударил ею себя по колену, словно ломая хворост.

Хруст и крик. Вопль боли.

Кто-то попытался схватить Шатова сзади, за шею. Удар локтем, вслепую. Горло отпустили.

Снова тень слева, и Шатов, не целясь, ударил кулаком. Туда, где могло быть лицо. Костяшки пальцев больно ударились обо что-то твердое.

Тень не упала. Шатов зацепил ее руками за волосы, рванул книзу и дважды ударил о колено.

Что-то чавкнуло, будто лопнувший помидор.

И тишина.

Шатов прижал руки к лицу. Сердце колотилось где-то в горле, его грохот отдавался в ушах.

Спокойно.

Куда подевались остальные? Или он вырубил всех?

Шатов присел. Один лежит. Второй. А было их четверо…

Сзади послышался хруст веток и невнятный вой. Шатов резко обернулся. Все в порядке. Это отступающие силы противника. Изрядно помятые.

Один из лежащих застонал.

– Курить – вредно! – сказал Шатов. – Очень вредно. От этого потом болит… От этого все что угодно может болеть.

Прогулка закончена, можно просто брать сумку и нести Васе пиво.

Шатов потер лоб.

А ведь он мог сейчас убить. И рука не дрогнула бы. Не повезло ребятам. Не вовремя они сунулись к Шатову. Еще вчера он бы сделал все, чтобы не связываться с четырьмя накурившимися тинейджерами.

Шатов нашарил сумку с бутылками.

Пошли. Все нормально, пошли.

– Пошли! – Шатов понял, что сказал это вслух, и хмыкнул.

День у него сегодня такой.

Снова застонал один из лежащих. Завозился, шурша травой и листьями.

Можно было бы добавить ногой, отстраненно подумал Шатов. Чтобы урок получился немного предметнее. От всей души, с носка, в рожу…

Потом. Сейчас нужно просто идти к Васе. Он, наверное, заждался пива. Сейчас и пойдем. Нужно только немного отдышаться.

Действительно, сявота совсем совесть потеряла.

Шатов подошел к подъезду. Дверь удалось открыть со второй попытки. Когда дверь захлопнулась, Шатов прислонился к ней спиной и закрыл глаза.

Открыл глаза и посмотрел на свой правый кулак. Ссадины кровоточили.

Когда это он дрался последний раз?

Лет пять назад… Нет, в прошлом году, летом, пришлось в баре подписаться за Бореньку. Но там все было немного проще. Выпившие коллеги, решившие объяснить Бореньке Дмитриеву основы журналистской этики. Очень интеллигентная драка до первого нокаута…

Шатов еще раз посмотрел на кулак. После того удара ссадин не было. Рожа Капустина была помягче.

Хорошие воспоминания. Приятные. Набить рожу Капустину всегда приятно. А завязываться с накурившимися идиотами – глупо. И еще глупо расшибать им физиономии о свое колено.

На джинсах имело место пятно совершенно определенного происхождения.

Блин, нужно срочно застирать.

И зашить рубаху…

Шатов судорожно сглотнул. На рубахе, слева, под нагрудным карманом, зиял разрез, сантиметров двадцать в длину. И сквозь него ясно была видна царапина. Просто тонкая красная полоска.

Достали самым кончиком лезвия. Кончиком остро наточенного лезвия.

А он не мог вспомнить, в какой именно момент его ударили ножом. Не заметил.

Комок застрял в горле, и никак не хотел проглатываться.

Шатов подошел к двери, обитой черным дерматином, и дважды нажал на кнопку звонка.

…-Ты козел, Шатов, – не оборачиваясь от компьютера сказал Некрофил.

– Козел, – сразу же согласился Шатов, – где подписаться?

– То, что ты козел, и так всем понятно. Какого черта ты полез в драку? Пыру захотел схлопотать под ребро?

– Не знаю, – честно признался Шатов, – как-то само собой…

– Само собой, – пропел Вася, – само собой. У меня есть знакомый – психоаналитик. Хочешь, познакомлю?

– На хрена?

– А он тебе постарается объяснить, что подсознательная тяга к смерти есть штука опасная, хотя и не всегда смертельная. Забудешь, скажем, отойти с пути трамвая, а он тебя не до смерти переедет. Ножки там по колено оттяпает, ручку одну-другую… А там, глядишь, «скорая» поспеет, и врач дежурный окажется не совсем пьяным и сгоряча тебе жизнь спасет. И будешь ты лежать живой, но некомплектный, со своей нереализованной тягой к самоубийству, – Вася наконец соизволил краем глаза посмотреть на Шатова, сидевшего на диване. – Дать телефончик психоаналитика?

– Обойдусь, – бросил Шатов.

Его начинало колотить. Пальцы дрожали, лицо время от времени словно сводило судорогой. Он боялся, что голос тоже дрожит.

– Они, видите ли, обойдутся! – Вася отхлебнул пиво прямо из бутылки. – Все так, между прочим, говорят. А потом – бац, суицид. Или вот еще, подавишь в себе тягу к самоубийству и начнешь мочить окружающих. Мировая практика просто напичкана такими случаями…

Шатов сжал кулаки и закрыл глаза. «Не тяни, мужик…» Хруст кости… тень, боль в руке, хлюпающий звук удара… А он даже не заметил, что там был нож.

Как бы это выглядело? Что бы он почувствовал? Ему стало бы больно?

Или просто толчок, а потом уже, потом, когда осознало бы рану, пошла боль? Он бы упал сразу или еще стоял бы, пока эти сволочи не свалили его на землю?

Внезапно запекло слева, под грудью. Там, где осталась тонкая красная полоска. Перехватило дыхание. Шатова согнуло вдвое, будто и вправду нож вошел в тело. Огненный клинок.

Раскаленное лезвие легко рассекло грудь и уперлось в сердце. Медленно приблизилось к лихорадочно пульсирующему комку страха. Медленно. Очень медленно. Жар, исходящий от ножа, коснулся сердца. Больно…

От этого жара кровь в сердце стала запекаться.

Умер.

Он умер.

Он умер. Уже дважды. Дважды за один день.

Шатов застонал, прижимая руки к груди.

– Выпей, – Шатов почувствовал в руках кружку.

– Я… – сказал Шатов и поперхнулся.

Больно…

– Выпей, – приказал Васин голос, – легче будет.

Шатов поднес кружку к губам.

– Залпом, так лучше, – подбодрил его Вася.

Залпом. Шатов влил в себя жидкость, не ощущая вкуса. Глоток.

Горло перехватило, дыхание пресеклось.

Словно огонь.

Шатов попытался вздохнуть. Закашлялся.

– Нормально? – поинтересовался Вася.

– Ка… – горло полыхало, Шатов не сразу справился с голосовыми связками, – какого черта…

– Это, брат, особый коктейль. Бодрящий. Чистый спирт с перцем и другими веселыми примесями. Берет за душу?

Шатов помотал головой, пытаясь восстановить дыхание.

– Берет, – засмеялся Вася, – от коктейля вначале умираешь, а потом рождаешься заново.

– Запить… – попросил Шатов, пытаясь стереть слезы с глаз.

– Ни боже мой. Нельзя. Пропадет лечебное действие.

– Сколько я принял? – спросил Шатов.

– Доза стандартная, кружечка в двести граммов.

– Это я сейчас бутылку водки принял?

– Чуть больше, – Вася снова сел за компьютер, – ты пока полежи, болезный, отдохни. А я поработаю.

– Не хочу, – быстро сказал Шатов.

Нельзя спать. Ему нельзя спать. К нему могут прийти эти двое, Васек и Мирон. Шатов тяжело поднялся с дивана:

– У тебя душ есть?

– Есть, по коридору направо.

– Я схожу?

– Давай-давай, только не мешай работать.

В голове начинало шуметь, огонь в горле почти погас и тепло перетек в желудок. Может развезти. Шатов не ел сегодня ничего, кроме яичницы на завтрак.

И пусть развезет. Пусть. Тогда он сможет забыть обо всем. И об Арсении, и о Васильеве. И о том, что в любой момент…

Шатов огляделся. Куда это он собрался? В душ. Кажется, он собрался в душ. Но мыться перехотелось. Он потер глаза.

Это спирт. Бодрящий коктейль. Сердце снова колотилось, но стук его был теперь не барабанный бой страха, а азартный перестук кастаньет. Чудо-эликсир.

На стене коридора, от самой двери висели листы ватмана. Шатов присмотрелся. Фамилии, имена. Даты рождения. И еще даты…

– Что это у тебя в коридоре, Вася? – спросил Шатов, – Список покойников?

– Там у меня стена скорби.

– То бишь? – Шатов вернулся в комнату и снова сел на диван.

Жар из желудка распространился по всему телу. Стало очень покойно и уютно.

– Там на стене список тех, кого я не могу включить в свою коллекцию. Так называемые пропавшие без вести. Ушли и не вернулись.

– До фига их там у тебя!

– До фига. Самое обидное, что большинство из них у меня в другой части коллекции наверняка есть. Среди неопознанных трупов. Но хрен их сопоставишь. Обидно, да?

– Не знаю, – покачал головой Шатов, чувствуя, как начинает заплетаться язык, – я такими делами не занимался.

– Нормальные дела!

– Ну, не знаю… – пробормотал Шатов, – смерть – это такая штука…

– Какая штука? – Вася оторвался от компьютера и вместе с креслом обернулся к Шатову. – Какая?

– Не коллекционная. Смерть – это…

– Смерть – это что? – Вася прищурился.

– Штука интимная, – Шатов облизал губы, – о ней не принято говорить…

– Не принято! – на Васином лице появилась гримаса отвращения. – О ней только и говорят. С каким удовольствием пипл хавает информацию о катастрофах и убийствах! Пальчики оближешь! Ты только дай ему посмотреть на лужу крови и кучку кишок, и пипл затащится, как от дозы наркоты. И тут привыкание почище чем к траве или ширке.

– Фигня, – сказал Шатов.

– Не фигня, милый, не фигня. Если бы фигня, ты бы у меня не покупал за хорошие бабки эти фотки и справочки.

– У меня есть сегодня необходимость, – все плыло перед глазами, Шатов с усилием выталкивал из себя каждое слово.

– Сегодня! Необходимость! А ты ко мне сегодня первый раз пришел? А?

– Сегодня мне очень нужно… – пробормотал Шатов, заваливаясь на бок, – очень нужно…

…И тут же открыл глаза. Васи за столом не было. По экрану монитора скользили какие-то абстрактные фигуры, меняя цвет и очертания. Шатов попытался встать, но сразу же отказался от этой попытки. Тело не хотело выпрямляться. Телу было очень больно. Оно болело все целиком, не разменяваясь на ребра и почки. Каждая клеточка тела Шатова стонала и кряхтела.

Очень вредно спать в такой неудобной позе, подумал Шатов. Очень вредно спать в такой неудобной позе после таких чувствительных побоев. И самое обидное, что, как бы тело ни было право в своем нежелании вставать, ему все равно придется вставать. Придется выпрямляться, разгибать затекшие конечности и заставлять избитую плоть снова двигаться.

Особенно плохо справа, там, где оканчиваются нижние ребра. Шатов попытался вздохнуть поглубже, замер, пронзенный болью, и осторожно выдохнул сквозь зубы.

Больно-то как!

Вставать пришлось в несколько приемов. Аккуратно перекатиться на бок, спустить ноги с дивана… Кстати, когда это он умудрился разуться? Потом, прижимая руку к эпицентру самой острой боли, начал осторожно вставать. Осторожно. Еще осторожнее…

Мать твою! Шатов застонал и застонал громко, не сдерживаясь. Как же это он вчера не почувствовал, насколько сильно и качественно его обработали посланцы Васильева.

Кстати, рубаху он тоже вчера умудрился снять. И… Черт, какие красивые, с сильным уклоном в багрянец, у него синяки. Шикарные. Равномерно покрывающие грудь и бока.

А там, в доме, ему показалось, что били не очень долго.

– Шатов, – раздался из-за спины, от двери голос Васи, – ты козел.

– Я… – Шатов обернулся и зашипел от боли, – я уже подтверждал это твое наблюдение. Не оригинально.

– Ты козел, – повторил Вася, проходя мимо Шатова и усаживаясь в свое кресло. – И трепло. Насквозь лживый человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.